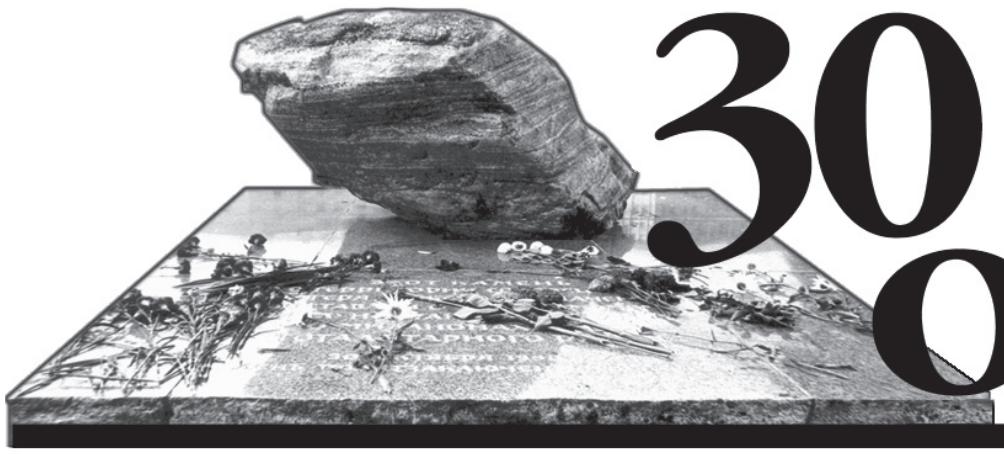


30 октября

№106 2012

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

ОЧЕРЕДНАЯ ЛОЖЬ О ПРАВОЗАЩИТНИКАХ

ЗАЯВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

Как сообщают средства массовой информации, 18 января руководитель УФСБ по Республике Коми Александр Калашников в официальном докладе назвал в числе «действующих в республике организаций экстремистской направленности» Ассоциацию «Голос» и КПК «Мемориал».

Он утверждает, что деятельность этих организаций «направляется из-за рубежа, нередко финансируется иностранными неправительственными фондами и направлена на трансформацию политического строя в России», что ближайшие «экстремистские» демонстрации намечены на 4 и 24 февраля, и подчеркнул, что их главная цель – «сорвать проведение выборов Президента Российской Федерации».

Во всем мире выборы являются основным инструментом трансформации политического строя, для этого они и предназначены. По мнению г-на Калашникова, в России выборы нужны для чего-то другого – видимо, для сохранения мифической «стабильности», как ее понимает нынешняя власть. Судя по массовым фальсификациям на выборах 4 декабря 2011 года, так считает не только г-н Калашников.

Полемизировать с г-ном Калашниковым по поводу тезиса о том, что деятельность независимых гражданских организаций направляется из-за рубежа, и вовсе неинтересно. Этот тезис безнадежно протух, и никто из разумных людей давно уже в него не верит.

Вообще, заявление г-на Калашникова интересно только одним: оно ярко иллюстрирует уровень понимания нынешними руководителями охранительных структур причин и движущих сил сегодняшнего протестного движения.

Массовые протестные движения, включая «оранжевые революции», которыми нас стращают, возникают не по воле каких-то внешних сил. Их порождает пренебрежительное и высокомерное отношение власти к гражданам, например откровенные фальсификации результатов народного волеизъявления. И начинаются они тогда, когда общество уже не готово смириться с этими фальсификациями. Тот, кто называет «оранжевой проказой» выступления против фальсификаций на выборах, демонстрирует лишь безграничное неуважение к своим соотечественникам.

Протестные движения порождает не Госдеп США и не наблюдатели на выборах от каких бы то ни было общественных организаций, а те председатели избиркомов, которые удаляют наблюдателей со своего участка. Протестные движения провоцируют губернаторы, заставляющие подчиненных организовывать принудительное голосование за правящую партию.

Попытки остановить протесты с помощью замшелых приемов советско-чекистской пропаганды не имеют никаких шансов на успех.

А интеллектуальный и профессиональный уровень, продемонстрированный г-ном Калашниковым, показывает, что нынешней политической системе действительно срочно нужна очень серьезная трансформация.

19 января 2012 года

ПОСЛЕДНЯЯ ЛАЗЕЙКА

В конце ноября 2011 г. под нарастающий шум протестного движения тихо и незаметно был принят закон, снимающий всякую ответственность за финансовое положение жертв репрессий с федеральных властей и скидывающий ее на региональный уровень.

В 2004 г. был принят пресловутый закон 122, посвященный «монетизации» льгот различных категорий населения, куда включили и жертв репрессий.

Закон, фактически пересмотревший всю систему льгот в стране, переложил ответственность за положение репрессированных на регионы. Учитывая, что большинство российских регионов традиционно являются дотационными, это привело к мгновенному ухудшению положения выживших жертв репрессий.

Как рассказал корреспонденту «30 октября» член Правления Международного общества «Мемориал» Ян Рачинский, из-за разницы в финансовом положении регионов выплаты на одного репрессированного могли достигать 2 тыс. рублей, могли составлять всего 200 рублей в месяц. Учитывая, что большинство из подпадавших под Закон о реабилитации – люди предпенсионного возраста и с достаточно расстроенным здоровьем, подобная разница в выплатах ощущалась ими очень сильно.

Парадоксальная ситуация сложилась в некоторых национальных республиках, таких, как Калмыкия, Чечня и Ингушетия, все население которых (или его значительная часть) было в 1943–1944 гг. выселено под предлогом сотрудничества с нацистами и реабилитировано лишь в 1956–1957 гг. Здесь реабилитированным предлагалось фактически платить самим себе.

Естественно, последовали обращения в Конституционный суд, поскольку было нарушено положение, содержащееся в преамбуле самого закона 122, согласно которому уровень социальных гарантий, бывший до вступления этого закона в силу, должен был быть сохранен.

Несмотря на то, что Конституционный суд 11 июля 2006 г. своим определением подтвердил, что «положения преамбулы закона 122 по своему конституционно-правовому смыслу предполагают обязанность федерального центра помогать регионам в финансовом обеспечении реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, на уровне не ниже сложившегося в соответствии с федеральным законодательством, действовавшим до 1 января 2005 г.», ситуация не изменилась. Средства из федерального бюджета на поддержку репрессированных так и не перечислялись.

Как объясняет Я.Рачинский, во многом это произошло из-за того, что, несмотря на то, что с момента принятия закона 122 прошло уже больше семи лет, в профильных ведомствах так и не были проведены пересчеты отмененных натуральных льгот в реальные денежные суммы.

Подписанный 30 ноября новый закон № 363-ФЗ имеет такое же стандартное невыразительное название, как закон 122, – «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Статья 8 этого законодательного акта признала утратившей силу часть 3 статьи 16 закона «О реабилитации жертв политических репрессий».

Отмененная часть как раз и содержала лазейку, позволявшую требовать от центральной власти выполнения ею обязательств, зафиксированных в постановлении Конституционного суда. Она гласила: «Российская Федерация обеспечивает софинансирование мер социальной поддержки указанным категориям граждан путем предоставления бюджетам субъектов Российской Федерации субсидий, исходя из их фактической численности, в пределах объемов средств, выделяемых на эти цели в федеральном бюджете на очередной финансовый год».

«Теперь даже обратиться в суд с требованием исполнить обязательства в отношении репрессированных довольно затруднительно», – подчеркнул Я.Рачинский.

Он отметил, что существует серьезное опасение, что ситуация с льготами для жертв сталинских репрессий ухудшится из-за плачевного финансового положения большинства регионов, власти которых стараются экономить на чем только можно (и на чем нельзя, впрочем, тоже). В настоящее время к числу дотационных относится большинство российских регионов.

По данным Министерства финансов РФ за 2011 г., в список регионов-доноров из 83 российских регионов входили Москва и С.-Петербург, Республика Татарстан, Пермский край, Кемеровская, Ленинградская, Липецкая, Московская, Самарская, Сахалинская и Тюменская области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. В 2012 г. из этого списка будет исключена Кемеровская область, но добавится Свердловская.

Рисунок заключенного Апушкина Я.В. «Ленька во скорбях». Бутырская тюрьма. 14.11.1919. Из архива «Мемориала»

Продолжение на с. 2

ВАЦЛАВ ГАВЕЛ. ДРАМАТУРГ С ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИЕЙ

Вацлав Гавел о себе говорил: «Конечно, я не знаю, что напишут обо мне в словарях через 50 лет, но я бы предпочел, чтобы меня назвали драматургом с гражданской позицией, который определенную часть своей жизни занимал высокий политический пост».

Он – последний Президент Чехословакии и первый Президент Чехии – ушел из жизни 18 декабря 2011 г. Европа простилась с выдающимся политиком и драматургом, почтив его память минутой молчания. Руководство России не обмолвилось по поводу кончины Гавела ни словом.

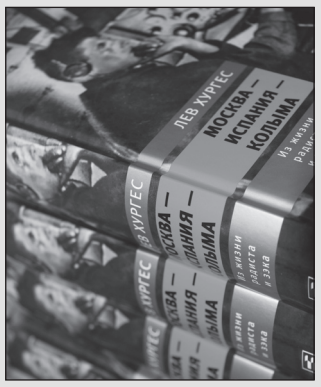
23 декабря, в день, когда Европа прощалась с Вацлавом Гавелом, в Москве в «Международном Мемориале» состоялся вечер памяти Гавела.

Фото Анны Брагиной *Продолжение на с. 3*

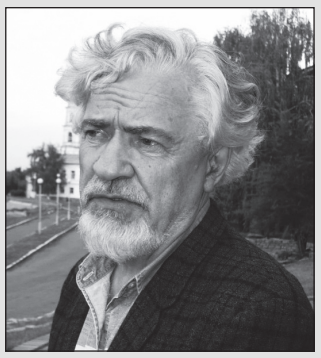
«30 октября» рекомендует портал «Права человека в России» www.hro.org для ежедневного чтения

В НОМЕРЕ:

Москва–Испания–Колыма Льва Хургеса 6



Виталий Шенталинский: «Наверно, эти книги – главное, что я сделал в моей жизни» 7



Она прошла по «светлому пути» 8

СВОБОДУ АЛЕСЮ БЕЛЯЦКОМУ!

Алесь Беляцкий, вице-президент Международной федерации за права человека (FIDH) и глава правозащитного центра «Вясна», 24 ноября 2011 г. был приговорен к 4,5 годам колонии усиленного режима.

«30 октября» поддерживает акцию за его освобождение и продолжает следить за ходом дела Алеся Беляцкого, находящегося в жодинском СИЗО.

24 декабря ушел из жизни отец Алеся Беляцкого. Отцу осужденного правозащитника Виктору Устиновичу Беляцкому смертельный диагноз врачи поставили в тот момент, когда Алесь уже находился под арестом. Попытки родственников на протяжении трех месяцев договориться о свидании сына с умирающим отцом ни к чему не привели.

Вплоть до дня похорон было неясно: позволят ли правозащитнику проститься с отцом. Накануне похорон Наталья Пинчук, жена правозащитника Алеся Беляцкого, получила письменный отказ в Департаменте исполнения наказаний на просьбу отпустить ее мужа из жодинского СИЗО попрощаться с отцом. Из Генпрокуратуры был получен устный отказ.

О смерти отца Алесь Беляцкий узнал в день похорон – 27 декабря. Правозащитника все-таки привезли в минский морг из жодинского СИЗО под усиленной охраной.Алесю Беляцкому разрешили побыть с отцом около 10 минут. Он помолился у гроба и сказал несколько слов своим близким. Сразу после этого он был отконвоирован назад в Жодино.

24 января 2012 г. Минский городской суд не удовлетворил кассационную жалобу Алеся Беляцкого, оставив в силе приговор суда Первомайского района.

Защита будет добиваться отмены вынесенного правозащитнику приговора. «Адвокат будет обжаловать этот приговор в надзорном порядке исключительно для того, чтобы иметь возможности и перспективы международной юридической реакции, не ища больше правды в том обряде, который в Беларуси почему-то называется судом», — заявил после суда коллега Беляцкого по работе в правозащитном центре «Вясна» Владимир Лабкович.

Обсерватория по защите прав правозащитников резко осудила решение городского суда отклонить апелляцию по делу Алеся Беляцкого: «Это уголовное дело было сфабриковано для того, чтобы запугать и заставить замолчать гражданское общество Беларуси, так как волна репрессий, которую обрушил правящий режим на посмевших выразить несогласие после президентских выборов, способствовала консолидации сил гражданского общества».

Председатель ОБСЕ г-н Эймон Гилмор выразил сожаление по поводу отказа в удовлетворении кассационной жалобы на приговор» Алесю Беляцкому: «Человека нельзя преследовать за защиту прав человека. Преследуя правозащитников и ограничивая свободу ассоциаций, Беларусь нарушает свои обязательства в рамках ОБСЕ».

27 января 2012 года в Варшаве состоялась презентация официального заявления о выдвижении Алеся Беляцкого на соискание Нобелевской премии мира.

Елена Хрусталева,
собственный корреспондент
интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ОЛЕГА ОРЛОВА ПРЕКРАЩЕНО

В разбирательстве по делу о клевете на главу Чечни Рамзана Кадырова против председателя Совета Правозащитного центра «Мемориал» Олега Орлова, наконец поставлена точка. Хамовнический суд Москвы 20 января прекратил уголовное преследование Орлова в связи с тем, что после вступления в декабре в действие поправок в законодательство клевета перестала быть уголовным преступлением.

На последнем заседании судья Андрей Лутов поставил перед участниками процесса вопрос о возможности прекращения уголовного дела. Как сообщал корреспондент «Кавказского узла» Олег Краснов www.volgograd.kavkaz-uzel.ru/articles/199971, представитель Кадырова Андрей Красненков потребовал рассмотреть дело по существу и только затем прекратить его. Представитель прокуратуры Ирина Васильева не возражала против прекращения дела.

Адвокат обвиняемого Генри Резник, ссылаясь на постановление Конституционного суда, указал, что в данном случае требовать продолжения рассмотрения дела может только сторона защиты, если ей нужна реабилитация. «Мы с Олегом Петровичем получили моральное удовлетворение от оправдательного приговора. Орлову реабилитация не нужна», – сказал Резник.

В итоге судья принял решение: оправдательный приговор суда первой инстанции отменить, а уголовное преследование Орлова прекратить.

«Как я неоднократно говорил, уголовное дело против меня закончилось ничем, точнее, фактически — оправданием меня. В целом я доволен, что дело было возбуждено и рассматривалось. В суде нам удалось аргументированно изложить нашу позицию, включая вопросы о систематическом нарушении прав человека и преследованиях правозащитников в Чечне. Никто не ожидал оправдательного приговора в суде первой инстанции, но благодаря честной работе судьи Морозовой он состоялся. Все, что мы делали в суде – и я, и мои коллеги, – мы делали, в том числе, и в память о нашем друге Наташе Эстемировой», – заявил Олег Орлов.

Решение суда могло быть обжаловано в Мосгорсуде в течение десяти дней, однако сторона руководителя Чечни не стала этого делать. «Я не вижу смысла подавать апелляционную жалобу», – заявил Андрей Красненков в интервью корреспонденту «Кавказского узла». Он добавил, что Грозный решением суда не удовлетворен: «В Грозном считали, что моя жалоба все-таки должна быть рассмотрена, но раз уж случилось так, как случилось, ну что ж теперь поделать», – сказал Красненков.

Представитель Кадырова выразил недовольство действиями прокуроров, считая, что «гособвинение приняло сторону обвиняемых».

«Я считаю позицию государственного обвинения в лице уже очередного, пятого, представителя прокуратуры ЦАО (Центрального административного округа) предательской. За два дня до заседания я разговаривал со старшим помощником прокурора ЦАО Артемом Садовниковым, который и подавал апелляционное представление. Он-то как раз собирался отстаивать право на дальнейшее рассмотрение наших жалоб, и только после этого дело должно было быть закрыто. Неожиданно Садовников не явился. Вместо него пришла его коллега Ирина Васильева. По словам Садовникова, это было решение руководства», – рассказал Андрей Красненков.

Напомним, что поводом для возбуждения уголовного дела против Орлова по ч. 3 ст. 129 УК РФ (клевета) стало его высказывание о том, что глава Чечни Рамзан Кадыров виновен в убийстве сотрудницы «Мемориала» Натальи Эстемировой, произошедшем 15 июля 2009 г.

Уголовное дело против Олега Орлова было возбуждено 20 октября 2009 г. Суду первой инстанции потребовалось 15 заседаний, в ходе которых было допрошено более 20 свидетелей, чтобы убедиться в правоте стороны защиты и вынести 14 июня 2011 г. оправдательный приговор.

Представитель потерпевшего (потерпевшим в деле назывался Рамзан Кадыров) и гособвинитель приговор обжаловали.

Рассмотрение апелляций судом второй инстанции началось 2 октября 2010 г. В ходе трех заседаний председательствующий судья зачитывал показания свидетелей. Представитель Кадырова намеревался пригласить в суд для повторного допроса свидетелей, в частности, главного редактора «30 октября», несмотря на то, что ранее тот выступал в суде в качестве свидетеля защиты.

Между тем президент Медведев в декабре подписал закон о внесении изменений в Уголовный кодекс РФ, которым статья 129 УК РФ «о клевете» признавалась утратившей силу. В связи с вступлением в силу этого закона дело против Орлова было прекращено.

Вячеслав Ферапошкин,
собственный корреспондент
интернет-издания «Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

Подробно ознакомиться с делом «Кадыров против Орлова» и ходом расследованияубийства Натальи Эстемировой можно на «Кавказском узле»: www.kavkaz-uzel.ru/category/estemirova
Фото Натальи Савельичевой

О ГРАНИЦАХ СОТРУДНИЧЕСТВА

ЗАЯВЛЕНИЕ МОСКОВСКОГО ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

Правление «Московского Мемо-риала» считает необходимым пояснить, почему наша организация решила не участвовать в формировании Гражданского совета – координационной структуры недавно учрежденного Гражданского Движения.

Правила формирования Совета совершенно непрозрачны – и уже это заставляет сомневаться, что Совет сможет выполнять свои функции.

Но гораздо важнее другое. Гражданский совет создается для противодействия фальсификации выборов, произволу властей, для защиты законности и прав граждан. Это, безусловно, достойные и благородные цели.

Можно ли достигнуть этих целей, объединяя усилия с теми, кто призывает к насилию, к дискриминации по этническому признаку, оправдывает фашизм и расизм?

Можно ли бороться за эти цели совместно с теми, кто рассматривает участие в легальных форумах, в «открытых площадках» как прикрытие деятельности подпольных структур?

Мы для себя на этот вопрос отвечаем однозначно – нет.

Наши разногласия с радикальными националистами отнюдь не сводятся к разнице представлений о будущем России. Эти представления не совпадают у многих участников Гражданского движения, и свободные выборы как раз и нужны для того, чтобы определить путь развития нашей страны.

Но мы не видим возможности вырабатывать тактику деятельности ячеек гражданского общества вместе с радикальными националистами, поскольку у нас с ними кардинально различаются взгляды на то, как это самое гражданское общество может и должно действовать уже сегодня.

Ряд лидеров радикальных националистов, которые, согласно принятым в Гражданском движении алгоритмам, наверняка войдут в координационный Совет, не стесняясь пропагандируют идею скрытых действий националистических структур.

Так, по мнению одного из них, Константина Крылова, за фасадом якобы демократического государства должно действовать «фашистское гражданское общество», воплощающее расистские теории. Крылов в программном тексте «Фашистское общество как фундамент демократического государства» описывает это так:

«Возьмем, например, такую важную социальную практику, как расизм. <...> Понятно, что правящая нация держит остальных за недочеловеков. Но. Это нация держит. Гражданское, тоись, общество. А государство должно относиться ко всем гражданам как к гражданам. Выглядит это так. Расово сомнительным типам не дают хорошей работы, не приглашают в клубы, вообще держат за второй сорт... Если про человека точно известно, что он не свой (ну там, мама – бабушка), его и держат за не своего.<...> А если начнет распетрушиваться – тихо, бесшумно (самое главное тут бесшумность) помочь обществу правильно определиться. Есть некоторые интеллигентные службы, которые должны помогать. Но именно помогать, а не брать на себя. То же самое и относительно всех остальных фашистских штук. Все это делается во всех нормальных государствах. Но неофициально, тихушечно, силами гражданского общества.<...>»

Более того, из публичных высказываний подобных «общественных деятелей» следует, что открыто действующие националистические организации будут частью, «легальным крылом» общего движения – наряду с другой частью, практикующей насилие. Недаром в публичной переписке Владимира Тора и Натальи Холмогоровой в Живом Журнале националисты, осужденные за насильственные преступления, именуются «партизанами».

Такое вот «гражданское общество» они строят в нашей стране.

По нашему мнению, попытки выстраивать общую стратегию и тактику с подобными деятелями ведут российское гражданское общество в тупик.

1 февраля 2012 года

Напомним: 17 января в Москве было создано Гражданское движение – открытая коалиция оппозиционных политических организаций, социальных групп, течений и отдельных граждан.

Движение призвано, как сказано в учредительном документе, «защищать право народа на свободное волеизъявление, гражданские права и свободы и социальную справедливость». Для этого новое Движение должно объединить усилия политиков и правозащитников, простых граждан и оппозиционные организации – всех, кто протестует против фальсификации на выборах, коррупции, произвола чиновников.

Координационный орган созданного Движения — Гражданский совет — выбирается исключительно на основе очного собрания участников и подотчетен только ему. Было принято решение формировать Совет по квотам четырех «курий» — трех политических (либералы, левые, националисты) и одной гражданской, куда входил ПЦ «Мемориал».

1 февраля «Московский Мемориал» принял решение выйти из состава Совета Гражданского движения из-за принципиальной невозможности находиться в одной компании с нацистами.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛАЗЕЙКА

➢ Окончание. Начало на с. 1

По данным Я.Рачинского, в настоящее время в России живет примерно 30–35 тыс. жертв сталинских репрессий. Еще около 700 тыс. человек – дети, родившиеся на спецпоселении либо оставшиеся из-за репрессий без попечения родителей. «Отдельно нужно считать представителей репрессированных народов – немцев, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, корейцев, понтийских греков, калмыков, месхетинских турок, крымских татар, хемшилов. Там к числу репрессированных относятся практически все представители этих этносов 1956 г. рождения и старше» – подытожил Рачинский.

Росстат в материалах переписи 2010 г. не дает возрастной выборки по национальностям, однако можно провести некоторые расчеты, опираясь на практически мононациональные Чечню и Ингушетию. По данным переписи 2010 г., лиц в возрасте «старше трудоспособного», т.е. потенциально подпадающих под действие закона о репрессированных, в этих республиках насчитывалось около 8% населения (почти 140 тыс. человек). С учетом того, что в других регионах условия для жизни в последние десятилетия были все же лучше, чем в Чечне и Ингушетии, общую численность лиц данной категории по перечисленным выше национальностям нужно оценивать, как минимум, в 250 тыс. человек.

Таким образом, росчерком ручки законодателя почти 1 млн человек окончательно лишились надежды на достойное возмещение перенесенных страданий со стороны государства.

Семен Чарный,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

ВАЦЛАВ ГАВЕЛ. ДРАМАТУРГ С ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИЕЙ

Окончание. Начало на с. 1

Сергей Ковалев, *правозащитник:*

«В понимании того, что мир един, что свобода и право универсальны и обретают свою настоящую цену лишь тогда, когда становятся доступны каждому, ибо в центре мира — человек — в этой идее двое стоят бок о бок: Андрей Сахаров и Вацлав Гавел».

Первая встреча Гавела с Ковалевым состоялась в 1990 г., когда только что избранный Президент Чехословакии приехал в Москву, чтобы посетить могилу Андрея Дмитриевича Сахарова. Печальной поездке предшествовал завтрак у Гавела, на который были приглашены Елена Боннэр, Лариса Богораз, Татьяна Великанова, Константин Бабицкий и Сергей Ковалев

Вацлав пил пиво, приглашенные — кофе. Был длинный разговор о России и мире. Гавел рассказывал, что приглашение баллотироваться в президенты и избрание были для него крайне неожиданными: он не верил в то, что драматург, «человек от литературы», человек неторопливых размышлений и сомнений, окажется полезен на этом государственном посту. Только став президентом, он понял, что это место как раз для таких, как он. Что здесь нужны не лицемеры и интриганы с профессиональным опытом, но умные, добросовестные, честные люди, готовые строить свои действия и решения на основе универсальных ценностей. Он сказал: «Сейчас я понимаю, что настоящим президентом, который нужен СССР, был бы Андрей Сахаров», — вспоминает Сергей Ковалев.

Вторая встреча Ковалева с Гавелом была в Нюрнберге. Гавел представил Сергея Ковалева на выдвижении на Нюрнбергскую премию по правам человека. Это был разгар первой чеченской войны, и позиция президента Чехословакии продемонстрировала его приверженность все той же идее: мировая политика должна руководствоваться универсальными ценностями, а не использовать их как лицемерный пропагандистский прием

В октябре 2002 г. Ковалев встретился с Гавелом в Сахаровском центре, говорили о России. Естественной темой был вопрос: может ли опыт Чехословакии и Польши пригодиться в современной России? Можно ли его использовать для защиты конституционных принципов, попираемых в России, для пресечения властного произвола, для возвращения страны к демократическим преобразованиям? Гавел не стал уклоняться от щекотливой темы — он, как всегда, был четок и определенен. Он говорил о том, что оппозиция должна пренебречь частными разногласиями в общей борьбе за кардинальные демократические принципы, ссылаясь при этом на опыт Хартии-77 и «Народного фронта».

Сегодня в России, по мнению Ковалева, наступает время перемен и в стране наблюдается отчетливое противостояние. С одной стороны — власть, родом из КГБ, заступница за всех негодяев мира от Кадырова до Саддама Хусейна, от Ахмадинежада до Башара Асада и Ким Чен Ира. А с другой стороны — очень еще разрозненная, но крепнущая гражданская активность. Может быть, почти готовая к солидарности, готовая не отступить, прямо отвергнуть ложь и насилие как основу государственной политики.

Константин Эггерт, *журналист Коммерсант-ФМ:*

«Гавела было очень интересно слушать — в его речи сочетались политика и философия, и никогда ни одна из этих двух основ не доминировала над другой. Это надо было уметь».

Гавел был человеком сомневающимся и очень глубоко обдумывающим то, что сейчас происходит в мире, отмечает Константин Эггерт, делавший большое интервью с Гавелом для BBC в 2011 г.

«Это был уже человек, который подводил итоги своей жизни, — вспоминает Эггерт. — Меня потрясло то, что о своей политической карьере он говорил как о чем-то вполне успешном. В нем не было той скромности, которая паче гордости. Он говорил: «Я, в принципе, все сделал правильно. Я сделал меньше, чем мог бы, но мне не хватало жесткости». Нечасто современные политики так себя оценивают».

«Естественное неудобство демократии в том, что тем, кто воспринимает ее всерьез, она связывает руки, а тем, кто не воспринимает демократию всерьез, демократия позволяет почти все».
Вацлав Гавел

Эггерту запомнились слова Гавела о том, что современной Европе не хватает какой-то духовной искры, чего-то, что позволило бы ей двигаться дальше, когда достигнуто благополучие, когда построено социальное государство.

Что дальше? Его очень интересовал этот вопрос. С одной стороны, это был типично интеллигентский вопрос, с другой стороны, он формулировал в очень конкретных политических терминах, потому что понимал, что политика — это, в конечном счете не бизнес, а борьба идей.

«Этот пожилой человек в каком-то потертом пуловере, фетровых тапочках, который в течение всего интервью попивал пиво, поражал тем, что, с одной стороны, было видно: он устал, с другой стороны, в нем есть столько внутренней силы, столько внутренней убежденности... Этот живой интерес к людям как к носителям идей, ценностей и убеждений и двигал его вперед через все болезни и испытания, которые ему выпали», — вспоминает Эггерт.

Было время, когда в разговорах на кухне, упоминая Гавела, Валенсу, Иоанна Павла II, мы говорили: «Ну, такого в России быть не может. Эти люди никому не интересны, потому что это другое общество, это другая жизнь, другие перемены».

Сегодня молодые люди выходят на площадь, желая изменить мир вокруг себя. В редакцию «Коммерсант ФМ» пришло много писем с вопросом, где найти эссе «Сила бессильных». — Гавел долго шел к России, и, наконец, дошел до нее. Интерес к его фигуре созрел.

Ян Махонин, *программный координатор Чешского культурного центра:*

«Гавелу много лет своей жизни пришлось сидеть в тюрьме, и он находил прекрасные способы, как противостоять одиночеству».

Вацлав Гавел был талантливым драматургом и использовал свое дарование в том числе и для того, чтобы помочь людям избавиться от одиночества. Детей диссидентов в тогдашней еще Чехословакии, чьи родители оказывались в тюрьме, он приглашал к себе домой и показывал им видеофильмы. Его первая супруга Ольга специально заказывала для этой цели боевики за границей. Гавел считал, что именно это может помочь детям забыть о сложной ситуации.

Гавел основал сообщество под названием «Могила» и приглашал в прекрасную пражскую пивную одиноких женщин для того, чтобы они могли там общаться. Название сообщества подчеркивало абсурд одиночества, с которым, по мнению Гавела, можно было прекрасно бороться.

В определенный момент стало понятно, что Гавел стал ключевой фигурой всего происходящего в Чехии. В нем был невероятный магнетизм. Бывают коллективные фотографии, в которых один человек всегда выделяется. Где бы он ни был, за каким бы столом ни сидел, он становился эпицентром всеобщего внимания.

10 декабря 1988 г., в День защиты прав человека, по каким-то невероятным обстоятельствам в Праге была разрешена демонстрация. Был подобран небольшой скверик, который никому не нравился. Посередине поставили стул. На него поднялся Вацлав Гавел. В этот момент всех охватило ощущение, что центр мира находился как раз на этом стуле, вокруг которого все вращается, вспоминает Ян Махонин.

Через неделю Гавела посадили. Чтобы люди не скучали, он написал одноактную пьесу про себя и сигарету.

Когда он вышел из тюрьмы незадолго до начала бархатной революции, стало понятно, что в стране теперь все по-другому. Он стал центральной фигурой всей Чехословакии, человеком, у которого не осталось личного пространства.

Гавел оставил нам замечательные пьесы, цитаты, книги. «Думаю, это подарок Гавела всем нам, который может спасать нас от одиночества», — отметил Махонин.

Марина Павлова-Сильванская:

«Свою задачу Гавел видел в том, чтобы вернуть людям веру в простые человеческие понятия: любовь, вера, справедливость».

Митинг на Болотной площади удивил Марину Павлову-Сильванскую обилием белых роз, которые держали в руках молодые девушки. Она задалась вопросом: что это означает? Покопавшись в Интернете, нашла ответ на него: белые розы — это чешский символ. В чешском фольклоре есть сказки о белых розах, белые розы нарисованы на гербах чешского дворянства. Кроме того, белые розы означают возрождение, мир, великодушие — то, что так высоко ценил Вацлав Гавел.

Сам Гавел не считал себя ни диссидентом, ни политиком. Он говорил, что хочет творить в свободной стране. Самым важным для себя он считал создание морального климата. Он говорил, что эта «вонючая ветхая власть отравила моральную атмосферу в стране», вспоминает Павлова-Сильванская.

Гавел легитимировал свою роль в истории Чехословакии через мораль. Это главное, что отличает его от остальных политических деятелей Восточной Европы. Он был не только политическим вождем, но одновременно и гуру.

«Человек не марионетка — он не может постоянно быть серьезным. И как бы я себя ни вел, всегда найдется человек, который скажет: да, это уже не тот парень в свитере. А другие скажут: ведет он себя не как Президент, какой-то вечный ребенок».
Вацлав Гавел

Людмила Алексеева, *российский общественный деятель, правозащитник, председатель Московской Хельсинкской группы:*

«Гавела называли чешским Сахаровым».

Вацлав Гавел и Андрей Сахаров были очень разными людьми и по характеру, и по занятиям, рассказывает Людмила Михайловна. Но оба они были в высшей степени людьми благородными.

На президентство Гавела выпала необычайно тяжелая страница в истории Чехословакии — словаки сказали: «Мы хотим жить отдельно». Чехословакия — маленькая страна, и если отделить Словакию, что там остается? «Можно представить себе, какие это были переживания для чехов. И как легко было любому политику сказать: это невозможно. Политик ведь защищает целостность государства. А Гавел сказал: «Люди не хотят жить вместе с нами — надо их отпустить». У него был такой моральный авторитет, что словаков отпустили. Отпустили совершенно бескровно и даже не склочничая. Так мог сделать только Гавел», — вспоминает Алексеева.

Гавел, по мнению Людмилы Михайловны — убедительное доказательство того, что политик может быть нравственным человеком, творить нравственную политику и при этом быть успешным.

Минута молчания в память о Вацлаве Гавеле прошла не только в Чехии, но по всей Европе.

Виталий Ярошевский, *заместитель главного редактора «Новой газеты»:*

«Мы предлагаем переименовать Болотную площадь в площадь Вацлава Гавела».

«Мы анонсируем нашу акцию: переименовать Болотную площадь в площадь Вацлава Гавела. Для нас это дело чести», — сказал Ярошевский. Это нужно сделать еще и потому, что «все время приходится краснеть» за наших руководителей в 1968 г.

Ярошевский приехал работать корреспондентом ТАСС в спокойную, спящую Прагу в 1989 г. «Гавела я впервые услышал 21 ноября, — вспоминает журналист. — Он выступил перед двухсоттысячной толпой. Я понял: точка невозврата пройдена».

Митинги проводились ежедневно и длились не более 45 минут. Каждый день к ним присоединялись новые участники. Организация таких масштабных мероприятий, по словам Ярошевского, была фантастической.

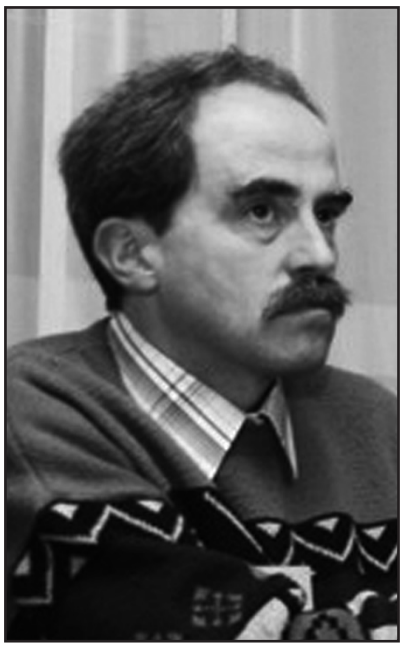
Виталий Ярошевский неоднократно встречался с Гавелом, брал у него интервью. Точность мысли невероятная, ни один вопрос не мог сбить Вацлава Гавела с толку, вспоминает журналист «Новой Газеты». «Он не просил на авторизацию интервью. Это не только говорило о доверии журналистам, но и означало уверенность в том, что он отвечает за каждое свое слово», — резюмирует Ярошевский.

Елена Хрусталева,
собственный корреспондент
интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

Фото Ондржея Немеца, Прага, Чехия

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ОБРАЗЦЫ ДЛЯ ПРОДОЛЖЕНИЯ



*Вышла в свет серия путеводителей по местам политических репрессий, напрямую связанная с недавним драматическим и во многом еще не осмысленным прошлым шести российских городов – Рязани, Воронежа, Пензы, Сыктывкара, Комсомольска-на-Амуре и Красноярска. Издания выпущены в рамках проекта **«Топография террора»**, осуществляемого Международным обществом «Мемориал» (аналогичный проект – Topographie des Terrors – существует в Германии). О сути и целях «Топографии», а также об особенностях путеводителей «30 октября» рассказал член Правления «Международного Мемориала» **Ян Рачинский.***

Как долго ведется работа по проекту «Топография террора»?

Идея довольно давняя и имеет несколько аспектов. Проблема отечественная состоит в том, что история наша, грубо говоря, кастрирована, обрезана, искажена. У нас от огромного пласта нет никаких следов. Весь период советской власти вся продукция печатного станка отражала только одну точку зрения – интерпретацию, весьма далекую от реальности. То же самое мы имеем в топонимике. У нас бесконечное количество большевиков – героев Гражданской войны, увековеченных в названиях улиц. У нас бесконечные памятники жертвам белого террора. Но Гражданская война к этому далеко не сводилась. Прямо скажем, жертв красного террора было никак не меньше. И достойных людей в Белой армии было тоже никак не меньше, чем в Красной.

Людям не на что опереться в осознании прошлого. Очень многое, вообще говоря, кануло, не оставив никаких следов. Очень многое было засекречено и до сих пор не рассказано. Какие-то шаги делались давно. Были попытки устанавливать мемориальные доски в разных городах. Обозначались прежде всего места захоронений, поскольку для детей могилы родителей – это святое, то, что в первую очередь востребовано. Это в несколько большей степени обозначено какими-то символами, чем любые другие места. Хотя тоже далеко не все еще сделано.

Есть целый ряд памятных мест, связанных с историей установления и существования коммунистического режима на протяжении 70 лет. Это многочисленные концлагеря первых лет советской власти. В Москве путеводителя по местам террора пока нет, поэтому стоит упомянуть, что даже среди религиозных людей очень многие не знают, что московские монастыри в большинстве своем были превращены в концентрационные лагеря. Если, скажем, про Ивановский и Новоспасский монастыри это более или менее известно, то почти никогда не упоминают, что точно так же были превращены в концлагеря Покровский и Рождественский монастыри, многие подмосковные монастыри. Поэтому цель «Топографии террора» – обозначить, привлечь внимание к тому, что прямо рядом с нами находятся места, связанные с мучениями, гибелью многих наших соотечественников, в том числе выдающихся людей, противостоявших режиму.

Это другая тема, которая пока отражена меньше в вышедших справочниках, но, тем не менее, она тоже очень важна. Не только места мучений и гибели, но и места сопротивления. Например, существовали, особенно в первые годы советской власти, партийные клубы разных течений – сначала открыто, потом подпольно. Их довольно быстро позакрывали. Были подпольные монастыри. Были кружки инакомыслящих, самых разных. В сталинские годы это были и троцкистские подпольные группы, именовавшие себя зачастую «истинными ленинцами», «истинными марксистами», существовавшие в пределах этой теории, но, тем не менее, подвергавшиеся гонениям. Были, изредка, и примеры попыток духовного сопротивления. Не религиозного, а просто сохранения какого-то реалистичного взгляда на жизнь, поддержания культуры. Эти люди не выступали с оружием в руках, не ставили политических целей. Об этом известно очень мало. Кое-что становится известно из следственных дел, где все это интерпретируется совершенно искаженным образом. В общем, есть целый ряд вещей, связанных с той историей, которая отсутствует в официальных книжках.

Помимо путеводителей, что еще предстоит сделать в рамках проекта?

Вообще говоря, путеводители – это главный смысл проекта. Не книжки сами по себе, а то, что они адресованы учителям, экскурсоводам. Чтобы учитель в каждом городе мог взять эту книжку и показать детям, где было то, а где было это. Где была община крестьян-толстовцев разгромлена, где была тюрьма НКВД, где расстреливали, где был концлагерь. Таких пунктов в каждом городе наберется по крайней мере пара десятков. Многое зависит, конечно, от возможностей архивного поиска, сохранности архивов. Главная цель проекта – чтобы короткие и довольно абстрактные фразы в учебнике не оставались без вещественного подкрепления.

Не оставались «единственным источником знаний»...

Да. Чтобы было понятно, что это не «где-то там», на «другой планете», а здесь, что произошло это совсем недавно и коснулось наших близких, а также известных нам земляков. Это важный аспект путеводителей – в них отражены конкретные судьбы.

У нас в планах было выпустить гораздо больше путеводителей, даже на первом этапе, но выяснилось, что архивные материалы или малодоступны, или недостаточно изучены. Удалось пока выпустить шесть. Хочется надеяться, что это послужит образцом для других, что другие захотят сделать и в своих городах что-то аналогичное. Книжки, на мой взгляд, получились интересные.

Что касается Москвы и Питера, то здесь пока проблема скорее в другом. По Москве набралось порядка полутора сотен адресов, и все их поместить в путеводитель затруднительно, получится слишком большая книга.

А выделить какие-то конкретные места?

Для этого нужна концепция. Скажем, в Москве было очень много национальных обществ, практически все они были уничтожены. Литературные кружки. Эсперантисты, которых разгромили, посадили почти всех. Общества политкаторжан. Самые разные организации. Любая общественная самодеятельность – и это характерная черта советской власти – подвергалась истреблению. Все, что не «сверху» организовано, было подозрительно.

Повторюсь, в Москве этих адресов оказалось много, точно так же и в Питере. Думаю, что и в других городах немало. Вы видели объемы путеводителей...

Они, кстати говоря, разные.

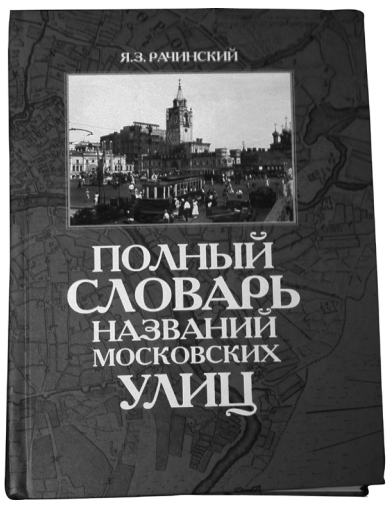
Да, они очень разные. Сыктывкарский путеводитель маленький. С одной стороны, до того, как Сыктывкар стал лагерной столицей, это был, в общем-то, небольшой город. И такого массового разгрома местных организаций, как, скажем, в Питере, там быть и не могло. А потом чуть ли не каждый дом в Сыктывкаре что-нибудь значил в истории репрессий. Видимо, Михаил Борисович Рогачев пошел по пути выделения лишь самых главных узловых пунктов, которые связаны с множеством людей, что отразилось на объеме книги.

А Пенза, скажем, – город с большей традицией. Поэтому там рассказ о самых разных сообществах, подвергшихся гонениям, и получился больший объем путеводителя.

Каждая из книг по-своему ценна. И, может быть, даже хорошо, что они разные. Есть разные образцы для продолжения.

Не могу не спросить о книге, не связанной непосредственно с проектом «Топография террора», но также находящейся в русле упорядочивания памяти о советском прошлом. Я имею в виду ваш «Полный словарь названий московских улиц».

Это несколько иная работа, но, конечно, русло то же. В какой-то мере предтечей проекта «Топография террора» был проект с адресами расстрелянных. При работе над составлением списков жертв выяснилось, что очень многие названия улиц или изменились, или исчезли вовсе. Москва была перепланирована. От старой застройки даже в центре мало что осталось, а на окраинах и вовсе почти ничего. Справочники, которые издавались в советское время, и неполны, и неточны. Например, известная книжка Сытина о названиях московских улиц, и не она одна, говорит, что Волочаевская улица возникла в советские годы. Хотя на самом деле она возникла гораздо раньше – сначала называлась Золоторожская, потом была переименована в Бухаринскую. И, чтобы не упоминать эту крамольную страницу истории, в книге фигурировало лишь последнее название улицы, появившееся после процесса над Бухариным. Таких примеров можно набрать далеко не один. Поэтому и началась сначала работа над выяснением реальных адресов расстрелянных, чтобы можно было привязать их к нынешним названиям улиц. А потом, когда выяснилось, что и со старыми названиями очень много путаницы, началась дальнейшая работа, которая заняла 12 лет.



Что еще важно, если говорить о памяти: тот же Сытин, и не он один, излагал свою позицию так, что нужно не только не останавливаться в упразднении монархических и религиозных названий, но и заменить на что-то «революционно-торжественное» названия в честь бывших домовладельцев. Если посмотреть на карту, от старых названий, которые складывались исторически, стихийно, осталась лишь часть. Огромное же количество более поздних названий связано с именами героев Гражданской войны, причем героев с одной стороны и зачастую очень и очень сомнительных.

Для меня при работе над словарем представляло интерес то, какие названия были раньше, как они появились и когда. Это позволяет лучше ориентироваться в истории, сопоставлять данные, лучше понимать жизнь нашего города.

Содержит ли словарь оценочные суждения, касающиеся тех, чьими именами были названы улицы?

Словарь все-таки жанр академический. Иногда я несколько выходил за пределы, позволял себе иронические формулы, например о Ворошилове: «слесарь, затем маршал», поскольку полководческие способности Ворошилова оценить более или менее нетрудно. Но в целом я просто указывал, что тот же Менжинский – один из создателей ВЧК. Те, кто принимали участие в расправе над мирным населением, отчетливо обрисованы в словаре, а дальше пусть люди самостоятельно делают выводы. В словаре нет обличительного пафоса, но, по возможности, включена точная информация. Кто «прославился» и в какой мере.

Про участников гражданской войны вообще сложно зачастую понять, чем они занимались. Например, Зборовские переулки, которые существуют в районе Преображенки, названы в честь рабочего Зборовского, «погибшего на трудовом фронте». Даже имя и отчество его неизвестны, не говоря уж о том, какого рода был «трудовой фронт».

Соответственно, покрыто мраком и то, как он погиб на этом «фронте»...

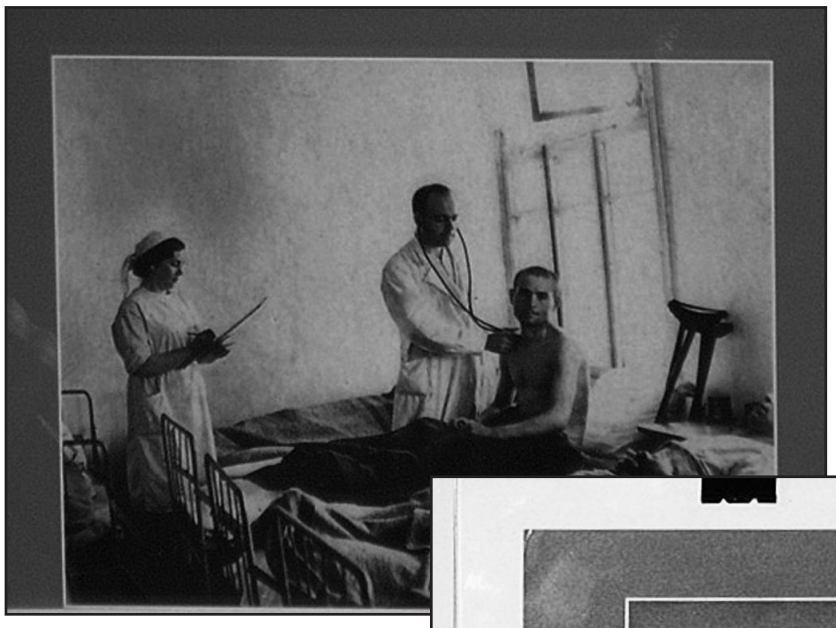
Конечно. К сожалению, победа большевиков над российским обществом до сих пор увековечена в названиях улиц. И мне кажется, что в тех случаях, когда существуют исторические названия, было бы уместно и правильно их вернуть. Не переименовывать улицы в честь героев белого движения, устраивая очередную чехарду, а возвратить названия, которые сложились исторически и стихийно.

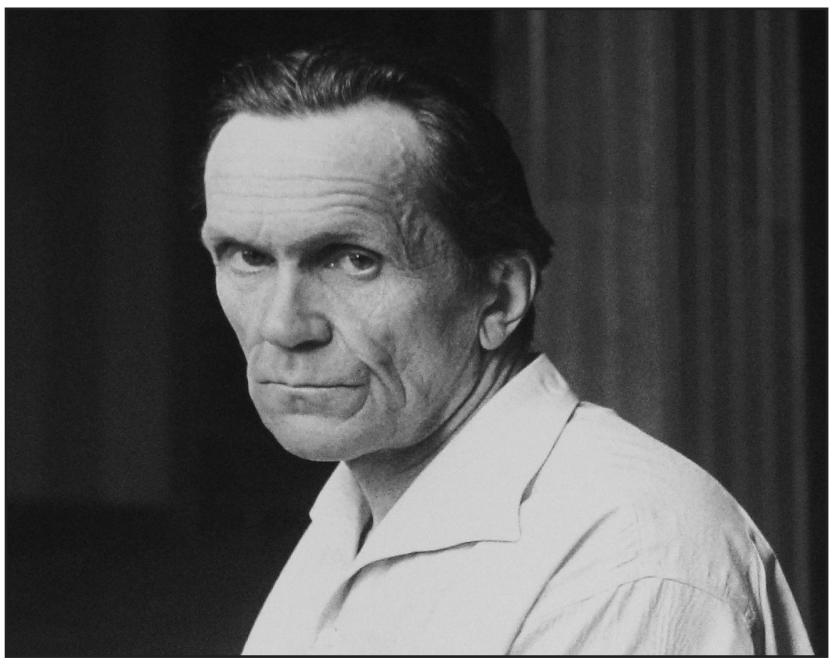
Беседовал Антон Дубин
НИПЦ «Мемориал», Москва

Рачинский Я.З. Полный словарь названий московских улиц. М., 2011. – XXVI, 605 с.

18 января 2012 г. в Москве, в офисе Международного общества «Мемориал» прошел вечер памяти Варлама Шаламова. Во встрече приняли участие исследователи биографии и творчества писателя, а также знавшие его люди. Мероприятие было приурочено к 30-летию со дня смерти прозаика и поэта, автора «Колымских рассказов».

ВЕЧЕР ПАМЯТИ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА





Я беден, одинок и наг,
Лишен огня.
Сиреневый полярный мрак
Вокруг меня.
Варлам Шаламов

Варлам Тихонович Шаламов скончался 17 января 1982 г. в Москве. Прошедший сталинские репрессии, лагеря и ссылки, он был одним из первых, кто открыл миру правду о своем времени и о своей стране.

Вечер памяти открылся показом документального фильма «Острова. Варлам Шаламов», по окончании которого состоялась дискуссия. Выступили режиссер картины Светлана Быченко, историк кино Александр Дерябин, редактор сайта www.shalamov.ru[1] Сергей Соловьев, Никита Петров – заместитель председателя Научно-информационного и просветительского центра «Мемориал».

В зале, где проходил кинопоказ, была представлена выставка фотографий «Остров Колыма», составленная из архивных снимков НКВД *(см. фото. Подробный фотоотчет о выставке и самом вечере можно посмотреть на сайте www.hro.org)*. Кадры, снятые в сталинских застенках самими работниками ГУЛАГа, – словно иллюстрации к литературным произведениям Шаламова. Витаминная фабрика, рудники, добыча олова и золота, сортировка заключенных по категориям... Все то, о чем писал Шаламов.

Так же преднамеренно Светлана Быченко в своей работе отошла от общепринятых стандартов жанра биографии. Ее фильм рассказывает не обо всем жизненном пути писателя от рождения до смерти, а только о его жизни после возвращения из лагерей. И это очень важно, считает Сергей Соловьев.

«Я пишу о лагере не больше, чем Экзюпери о небе или Мелвилл о море. Мои рассказы – это, в сущности, советы человеку, как держать себя в толпе... Не только левее левых, но и подлиннее подлинных. Чтобы кровь была настоящей, безымянной».
Варлам Шаламов

Светлана Быченко – финалист Национального телевизионного конкурса ТЭФИ-2007 в номинации «Режиссер телевизионного документального фильма/сериала».

В ее фильме два героя. Это Варлам Шаламов и Ирина Сиротинская – российский архивист и литературовед, близкий друг писателя, хранитель и публикатор его творческого наследия.

«Делая фильм-портрет, очень важно найти человека, который нес бы в себе отражение того, кого уже нет в живых, о ком ты снимаешь. Ирина Павловна несла такое отражение Варлама Тихоновича», – сказала режиссер.

В картине звучит много песен на стихи Шаламова. Как пояснила Светлана Быченко, «это была целенаправленная акция, потому что Шаламов мечтал, чтобы его стихи пелись».

«Есть такая иллюзия, что Шаламов – это только Колыма. Но жизнь человека не закончилась после этого. 30 лет, которые Шаламов прожил после Колымы, – очень важный период», – подчеркнул он.

Эта послелагерная жизнь была в каком-то смысле не менее тяжелой, чем колымская, хотя и по-другому. Как отметил Никита Петров, «если в ГУЛАГе убивали физически, то потом, после освобождения, Варлама Шаламова 30 лет убивали нравственно. Он на самом деле умирал вторично, и много-много раз».

Как было сказано на вечере, Шаламов считал, что, вопреки бытующему мнению, тюрьма не дает никакого полезного для жизни опыта, а лишь разрушает ее. История и современность вновь и вновь продолжают подтверждать его правоту.

Сергей Соловьев, «Шаламов – это не бытописатель. Хотя очень распространенное его восприятие таково, оно не имеет ничего общего с действительностью. В этом его принципиальное отличие как писателя от Александра Исаевича Солженицына. Эти рассказы прокричаны сквозь слезы, но это – важнейшая литературная работа».

Однако «Колымские рассказы» Варлама Шаламова в СССР при его жизни так никогда и не были опубликованы.

Власть лишь, по выражению Никиты Петрова, «милостиво разрешила ему жить». Отказывала в работе. Платила мизерную пенсию. Выделила комнату в коммуналке площадью восемь квадратных метров.

Впрочем, вряд ли стоит винить во всем только советскую власть. Убивала не только она, убивало и общество. Даже Самиздат не оправдал надежд Варлама Шаламова.

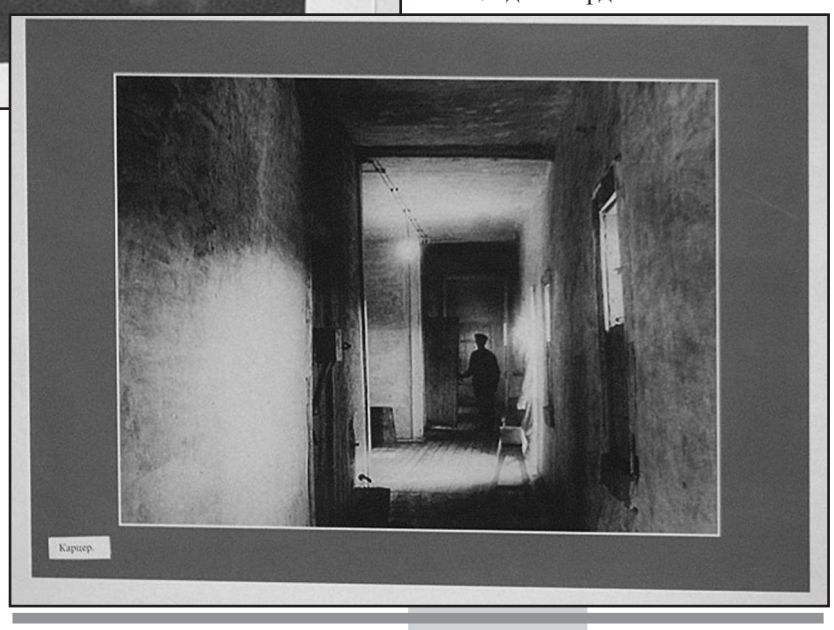
Последние три года своей жизни тяжелобольной Шаламов провел в Доме инвалидов и престарелых Литфонда. Но и там он продолжал писать стихи. 15 января 1982 г. писателя после поверхностного обследования медицинской комиссией перевели в интернат для психохроников. Вокруг Шаламова оказались, по сути, такие же застенки, как и те, которые окружали его 17 лет на Колыме. В интернате писатель прожил всего три дня и скончался 17 января 1982 г.

И все-таки Светлана Быченко убеждена, что Варлам Шаламов – победитель. Ведь несмотря ни на что, он не согнулся, выполнил свой долг перед теми, кто был замучен, кто погиб в ГУЛАГе. По этой причине режиссер называет героя своей картины викингом.

Александр Дерябин назвал ее «подвижником, который поставил перед собой цель сохранить, сберечь для истории творческое наследие Варлама Шаламова. Она твердо верила в то, что «когда-нибудь настанет время, и это все напечатают и прочитают... Ничего героического в профессии архивиста нет, но, тем не менее, это уникальное явление... И по этой причине тоже «Острова. Варлам Шаламов» – это фильм о человеческом долге», – выразил мнение Александр Дерябин.

«Мама очень долго была знакома с Варламом Тихоновичем. Он нашел человека, который в трудную минуту, когда вокруг безразличие, поддержал его в том, что он делает нужное дело, и надо продолжать его», – сказал сын Ирины Сиротинской Александр, который тоже присутствовал на вечере.

Из новостей, прозвучавших на вечере, следует выделить сообщение писателя Валерия Есипова о завершении им большой работы – книги о Шаламове для серии «Жизнь замечательных людей», выходящей в издательстве «Молодая гвардия».



«Колымские рассказы» – это попытка поставить и решить какие-то важные нравственные вопросы времени, вопросы, которые просто не могут быть разрешены на другом материале. Вопрос встречи человека и мира, борьба человека с государственной машиной, правда этой борьбы, борьбы за себя, внутри себя и вне себя. Возможно ли активное влияние на свою судьбу, перемалываемую зубьями государственной машины, зубьями зла. Иллюзорность и тяжесть надежды. Возможность опереться на другие силы, чем надежда».
Варлам Шаламов

Важнейшую помощь писателю оказала филолог Ирина Сиротинская, ушедшая из жизни год назад. На вечере вспоминали ее слова о том, что «архив человека – это не мертвая куча старых бумаг, это след его судьбы, его попытки осмыслить мир и свою жизнь, его любви и дружбы. Теплое чувство испытываешь, перебирая бумаги. Они хранят память – сопротивление смерти, исчезновению, забвению».

Вера Васильева,
специальный корреспондент
интернет-портала
«Права человека в России»
www.hro.org
специально для «30 октября»

Фото автора

На снимках: 1. В.Шаламов; 2.3,4 На выставке были представлены архивные фото НКВД: госпиталь, колымский пейзаж, карцер. Эти фото были сняты самими работниками ГУЛАГа и входили в отчеты НКВД, направляемые Сталину.

1. Цитаты даны www.shalamov.ru. На сайте размещены произведения Шаламова, информация о биографии писателя, архивные документы, материалы исследователей его творчества, аудиозаписи и видеозаписи. Создатели сайта стараются привлечь внимание к творчеству Варлама Шаламова, без которого, как они считают, невозможно ни достаточное понимание истории России XX века, ни полноценное осознание/осмысление России сегодняшней.

МОСКВА–ИСПАНИЯ–КОЛЫМА ЛЬВА ХУРГЕСА

20 декабря 2011 года в конференц-зале общества «Мемориал» состоялась презентация книги Льва Хургеса «Москва—Испания—Колыма: Из жизни радиста и зэка». Книга была выпущена издательством «Время» при активном участии историка (и родственника Л.Хургеса) Павла Поляна. Как рассказал сам П.Полян, работа по подготовке огромных (книга насчитывает 800 страниц, а еще примерно 400 были исключены как вторичные эпизоды) воспоминаний Льва Хургеса к изданию заняла почти 8 лет.

Сын Льва Хургеса Александр Макаренко-Хургес заметил по этому поводу, что рад тому, что у него есть такой родственник, как П.Полян, сделавший все возможное и невозможное для того, чтобы книга была издана к 100-летию Л.Хургеса.

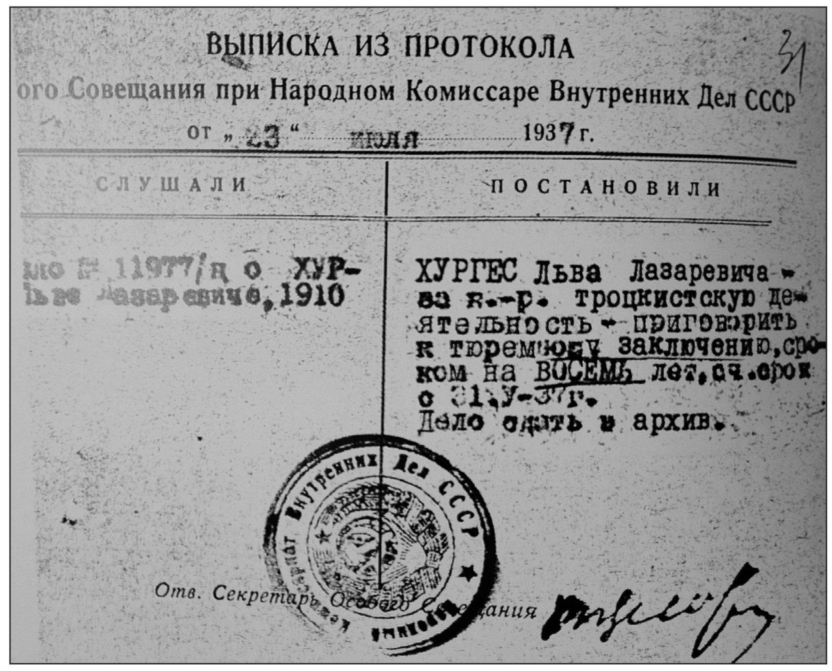
Он рассказал некоторые факты из биографии Льва Хургеса, родившегося в 1910 г. Появившись на свет в еврейской семье, перебравшейся в Москву по зову богатого родственника, Л.Л.Хургес с младых ногтей увлекся радиоделом. Это увлечение, а также активная жизненная позиция стали для мемуариста «пропуском» в республиканскую Испанию. Он был отправлен туда по линии ГРУ (Главное разведывательное управление) в качестве радиста в августе 1936 г.

Вскоре после взятия Малаги фашистами генерала Франко в начале 1937 г. он был отозван в СССР и арестован в Крыму, в поезде, направлявшемся в Москву, якобы за одобрительные высказывания о Троцком. Сам Л.Хургес считал, что причиной ареста могли стать его контакты с репрессированным позже главным военным советником Я.Берзиным.

У Льва Хургеса дважды была возможность остаться в Испании и тем самым изменить свою судьбу, но он этого не сделал. В первый раз это произошло накануне падения Малаги, когда лидер входивших в число защитников города аргентинских анархистов уговаривал молодого радиста уехать с ним, обещая выдать за него сестру. Вторую попытку «выбрать свободу» Лев Хургес мог сделать накануне отъезда в СССР, когда его близкий друг сообщил ему, что по приезде он будет арестован. Учитывая царившую в Испании неразбериху, он вполне мог затеряться и «всплыть» уже в другой стране.

«Признавшись» по совету сокамерника в одобрительных высказываниях в адрес Троцкого, Хургес был приговорен к 8 годам лишения свободы. Начав отбывать срок в Полтавской тюрьме, Лев Хургес постепенно перемещался все дальше на восток, пока не оказался на Колыме, где и провел основную часть своего тюремного срока, сменив несколько лагерей и едва не умерев от голода. Вполне возможно, что на Колыме он бы и скончался, если бы не был «выдернут» в 1944 г. по запросу научно-технического управления НКВД. Остаток срока Хургес (кстати, «пересидевший» на год больше по сравнению с приговором) отбывал в Рыбинске. Примечательно, что в одном из лагерей он встретил человека, который вел (и довел до расстрела) дело следователя, посадившего самого Л.Хургеса.

После освобождения в 1946 г. Лев Хургес поселился в Грозном (в Москву ему как бывшему зэку доступ был запрещен), поступив на работу в местный геологоразведочный трест. Одним из весомых аргументов, склонивших его к переезду в Грозный, стало заявление директора треста о том, что у них «абрикосы валяются под ногами» (напомним, что в 1946 г. на европейской территории СССР царил голод). Лев Хургес в дальнейшем так и осел в Грозном, где и скончался в 1988 г.


ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА
...ого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР
от „23" июля 1937 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
...ло № 11977/д о ХУР... Льве Лазаревиче, 1910	ХУРГЕС Льва Лазаревича — за к.-р. троцкистскую деятельность — приговорить к тюремному заключению, сроком на ВОСЕМЬ лет, сч. срок с 31.V-37 г. Дело сдать в архив.

Отв. Секретарь Особого Совещания

«Родителей не выбирают — мне повезло», — заключил Александр Макаренко.

Принимавший участие в составлении книги историк Николай Поболь заметил, что с книгой мемуаров Л.Хургеса «было хорошо работать». Он подчеркнул, что «Москва—Испания—Колыма» это фактически три разные книги, из которых мы можем много узнать о жизни в Москве 1920—1930-х, гражданской войне в Испании и ГУЛАГе. «Хотя о Колыме было написано немало, но здесь мы читаем много удивительного», — подчеркнул Н.Поболь. «Каждый найдет в этих воспоминаниях то, что ему будет наиболее интересно», — заключил он.

В качестве примера уникальных сведений, содержащихся в книге Льва Хургеса, Павел Полян привел рассказ о так называемых «крестиках» — одной из малоизвестных православных сект, представители которой содержались в колымских лагерях. «Крестики» отличались от остальных заключенных отсутствием страха перед смертью, поскольку они рассматривали жизнь как наказание, ниспосланное Богом, а смерть — как возможность возвращения души на небо. По этой же причине «крестиков» невозможно было принудить к каким-либо контактам с властями.

Глава издательства «Время» Борис Пастернак подчеркнул, что мемуары Хургеса — «важнейший, интереснейший человеческий документ», и пожелал, чтобы эта книга заняла достойное место в пласте русской литературы, посвященной Большому террору.

Завершавший презентацию историк Никита Петров напомнил, что Лев Хургес не мог остаться в Испании, даже если бы захотел. К этому времени советское государство создало четкую систему заложничества, предотвращавшую массовые побеги. За действия беглеца отвечали бы его родственники, оказывавшиеся в заключении как «члены семьи изменника Родины» (ЧСИР). Саму книгу он оценил как повествование о судьбе человека, в которой воплотилась судьба страны. Историк также отметил уникальность сообщаемых Львом Хургесом данных по истории ГУЛАГа и подчеркнул необходимость издания таких книг для формирования адекватного восприятия истории у молодого поколения.

Семен Чарный
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке Лев Хургес и Леонид Тепляков, 1930 г.
Хургес Л. Москва – Испания – Колыма: Из жизни радиста и зэка. – М.: Время, 2012. – 799 с.

ДВОЕ ИЗ КОТЛАСА

80 лет назад первые эшелоны с раскулаченными крестьянами прибыли на котласскую землю. Это был 1930 год, когда принимались постановления президиумов исполнительных комитетов о мерах по ликвидации кулачества как класса, и наш Север стал местом спецпоселений.

Среди прибывших были восьмилетний мальчик Петр Этлер из Белоруссии, и шестнадцатилетний Эдуард Гринвальд из Саратовской области. У обоих было «красивое» определение — «член семьи кулака».

Котлас для них так впоследствии и не стал родиной, даже второй. Они не забыли родные леса и поля, луга, по которым они бегали мальчишками, дом и детские шалости с друзьями. Я это почувствовала, когда, угощая меня драниками из картошки, Петр Иванович обронил: «У нас дома всегда готовили драники». Я тогда уточнила, где этот дом. Петр стал вспоминать о маме и доме. Петр снова поел драников только через 24 года — в 1954 г.

Память сохранила товарные вагоны, в которых они ехали, как теряли родителей на нашей Архангельской земле, как хоронили замерзших и умерших детей в общих могилах на кладбище Макариха. Память сохранила навсегда моменты, когда их увозили в неизвестность; как их семьи оставляли дома, годами собранное имущество для ведения личного хозяйства. «Враги» советской власти наивно надеялись, что на новом месте им дадут жилище, может, и скотину, и они начнут обживаться заново, пусть опять потом и трудом. Это были только надежды.

Еще до начала войны Петра и Эдуарда призвали служить в армию. Они гордились этим и ждали новой жизни. Но началась война. Их определили в действующую армию.

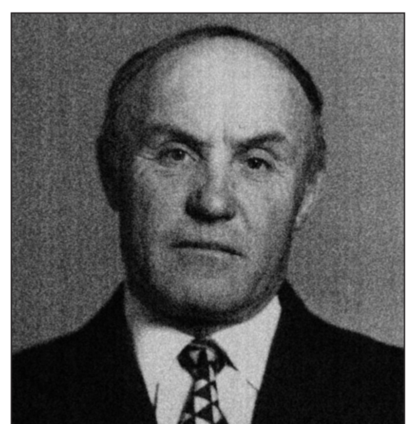
Но «дети врагов народа» не могут защищать страну. По директивам правительства СССР под грифом «совершенно секретно» они были отозваны из действующей армии и направлены в трудовые колонны НКВД по месту применения репрессий в Архангельскую область. И снова Петру и Эдуарду пришлось отвечать за своих родителей за колючей проволокой как детям «врагов народа». Их уже стали именовать не гражданами СССР, а контингентом, подведомственным НКВД.

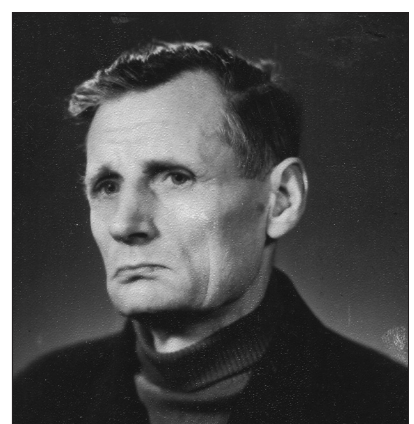
Они в числе других трудармейцев строили котласский мост через Северную Двину. По условиям содержания и работы они не отличались от заключенных ГУЛАГа.

Когда закончилась Великая Отечественная война, радостное известие облетело жителей «за колючей проволокой» с названием «колонна № 2». Радость была недолгой. Снова выходят жестокие директивы, продолжая калечить судьбы: на основании постановления Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. через 18 лет после первой высылки Петр и Эдуард были повторно репрессированы.

Петр Иванович обратился в детский дом, где он вырос: «Помогите! Меня вы воспитывали без отца и матери как сироту. Я не виновен!» Но его не слышат, ничто не меняется.

После смерти Сталина они, наконец, получили свободу. Им помогло постановление Совета Министров СССР от 1954 г. под грифом «совершенно секретно» о снятии ограничений в правовом положении спецпереселенцев.





Но им и после этого не доверяли. В выданных в 1954 г. паспортах обязательно ставили отметки с информацией об освобождении. Национальности были установлены по отцам: Петр — поляк, Эдуард — немец.

На этом история их притеснений не закончилась. Долго, очень долго Петр и Эдуард вспоминали о дне Победы с горечью и обидой. Факт участия в Великой Отечественной войне Петр сумел подтвердить только через 44 года после ее окончания. Он ликовал, радовался справедливости. После этих событий в доме всегда висел календарь за 1999 г. — год его победы.

Через 62 года, 12 апреля 2007 г., Эдуард тоже получил подтверждение своего участия в Великой Отечественной войне в действующей армии из Центрального архива министерства. Это письмо пришло в его адрес слишком поздно, в день его похорон.

Невозможно вернуть отнятую жизнь, так же как исправить покалеченную судьбу, но можно и нужно обязательно сказать правду живущим сейчас, чтобы не уходила память о людях, их судьбах и событиях, на них повлиявших.

Татьяна Яхлакова,
председатель
ветеранской организации
ККПОД «Котласская полония»,
г. Котлас

На снимках: Петр Этлер и Эдуард Гринвальд, 1970 гг.
Фото из архива ККПОД «Котласская полония»

ВИТАЛИЙ ШЕНТАЛИНСКИЙ: «НАВЕРНО, ЭТИ КНИГИ – ГЛАВНОЕ, ЧТО Я СДЕЛАЛ В МОЕЙ ЖИЗНИ»

24 октября 2011 г. в Центральном Доме литераторов прошел вечер «Преступление без наказания (Русские писатели в эпоху Большого террора)». Он был посвящен выходу в свет в издательстве «Прогресс-Плеяда» трилогии Виталия Шенталинского «Преступление без наказания» (2007), «Рабы свободы» (2009), «Донос на Сократа» (2011). Поздравить писателя со знаменательным событием пришли Станислав Лесневский, Алексей Варламов, Борис Романов, Борис Альтшуллер, Станислав Джимбинов, Татьяна Янкелевич, Олег Мраморнов, Арсений Рогинский, Ольга Сушкова, представители правозащитных организаций и читатели.

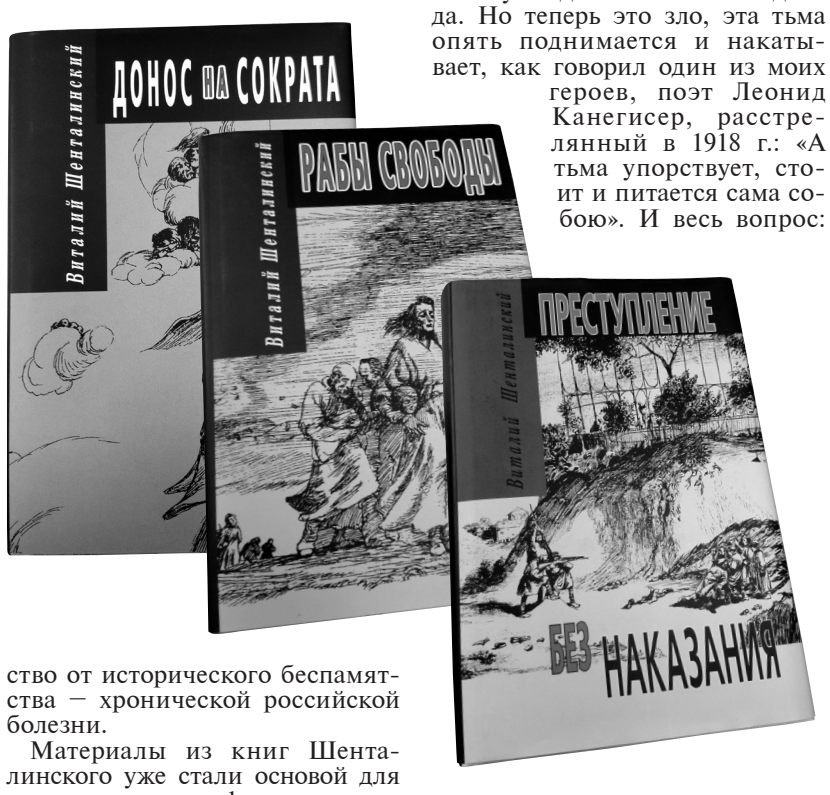
По словам издателей

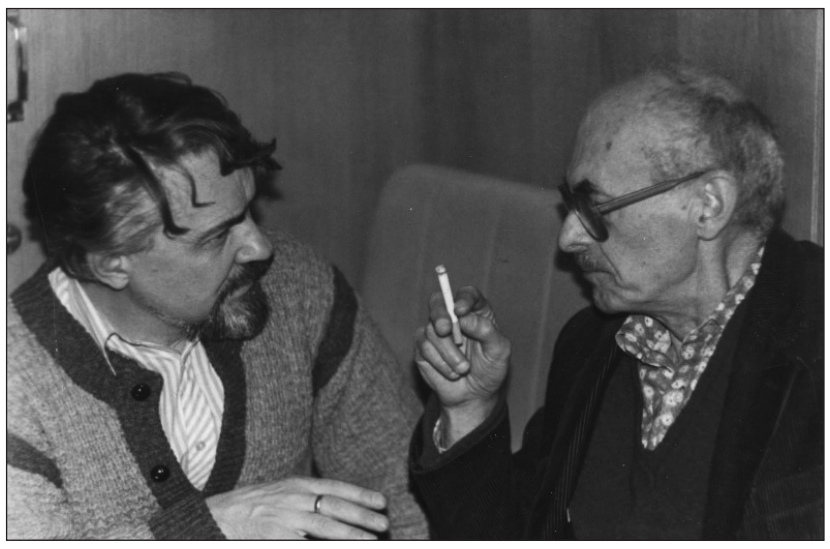
Вечер в ЦДЛ начался минутой молчания в память всех репрессированных и погибших писателей и поэтов XX столетия. «Книги, изменившие всех, кто читал их» – так сказал о трилогии Шенталинского, открывая вечер, Станислав Лесневский, литературовед, главный редактор издательства «Прогресс-Плеяда».

Книги – результат двадцатилетней работы автора. Они посвящены единой теме – судьбе Русского Слова в XX веке, трагическим страницам нашей литературы. В трилогии рассказывается о писателях, погубленных или гонимых тоталитарной властью.

Повествование основано на новых материалах – документах и рукописях, которые автор обнаружил и исследовал, работая в архивах КГБ и прокуратуры СССР как организатор и руководитель Комиссии по творческому наследию репрессированных писателей России.

Среди героев трилогии: Николай Гумилев, Анна Ахматова, Исаак Бабель, Михаил Булгаков, Павел Флоренский, Николай Клюев, Осип Мандельштам, Борис Пильняк, Максим Горький, Владимир Короленко, Борис Савинков, Николай Бердяев, Андрей Белый, Максимилиан Волошин, Андрей Платонов, Марина Цветаева, Николай Эрдман, Борис Пастернак, а также имена менее известных, но ярких талантов, казненных или сгинувших на островах ГУЛАГа, выброшенных в эмиграцию.





Виталию Шенталинскому удалось найти и представить читателю рукописи, конфискованные при арестах, заточенные в архивах Лубянки, а также собственноручные показания, письма, записки осужденных. Возрождая из забвения писательские судьбы, автор утверждает гражданское, общественное значение слова, напоминает современной России о тех духовных богатствах, которые она потеряла. Действие разворачивается на широком историческом фоне, перед читателем полнее распахивается «звездное небо» русской литературы в ее целостности и скрытой доныне правде. Трилогия позволяет другими глазами взглянуть на многие события и действующих лиц нашего прошлого, осмыслить трагедию России.

Основная идея автора: зверские репрессии против людей, наказанных без преступления, уничтожение в условиях мирного времени своих сограждан, масштабы которого не имеют аналогов в истории, стали преступлением без наказания. Трилогию можно рассматривать как лекарство от исторического беспамятства – хронической российской болезни.

Материалы из книг Шенталинского уже стали основой для нескольких телефильмов, радио- и телепередач, в том числе восьмисерийного фильма «На фоне Пушкина. 1937» (телеканал «Культура»), цикла передач радио «Свобода» «Репрессированная литература в архивах палачей».

По словам автора

«Говорят, убитых убивают дважды: пулей и забвением, – сказал, выступая на вечере, Виталий Шенталинский. – Пулю не остановить, не вернуть в ствол, но давайте будем помнить, воскресим, как можем: памятью и словом. Отказываясь помнить, мы соучаствуем в преступлении, замалчивание – тоже убийство.

Прячет прошлое власть, но дело даже не во власти – что сверху, то и снизу – не хочет знать общество, вот что трагично. Старые говорят: у нас давление, мы не хотим это вспоминать, молодые говорят: не грузите нас, это ваши заморочки, не мешайте нам жить красиво! – и вот наша истерзанная память провисает в пустоте и в темноте, оказывается невостребованной, и следующее поколение собирается идти в будущее без памяти. Значит, без сознания.

Зло – болезнь заразная. В XX веке нашу страну охватила заразная болезнь зла. Помню, Окуджава говорил мне: «Мы – в реанимации». После перестройки была небольшая передышка – у людей появилась надежда. Но теперь это зло, эта тьма опять поднимается и накатывает, как говорил один из моих героев, поэт Леонид Канегисер, расстрелянный в 1918 г.: «А тьма упорствует, стоит и питается сама собою». И весь вопрос: хватит ли у нас сил противостоять этой тьме?..»

Книга памяти репрессированных писателей до сих пор не создана. Но Россия – страна слова, страна литературы. По подсчетам автора трилогии, около трех тысяч литераторов было репрессировано за годы советской власти, примерно половина из них были расстреляны или погибли в тюрьмах и лагерях. Целая литература, океан памяти, звездное небо. Им и посвящена эта трилогия, литературный мемориал. Как сказал поэт Георгий Иванов:

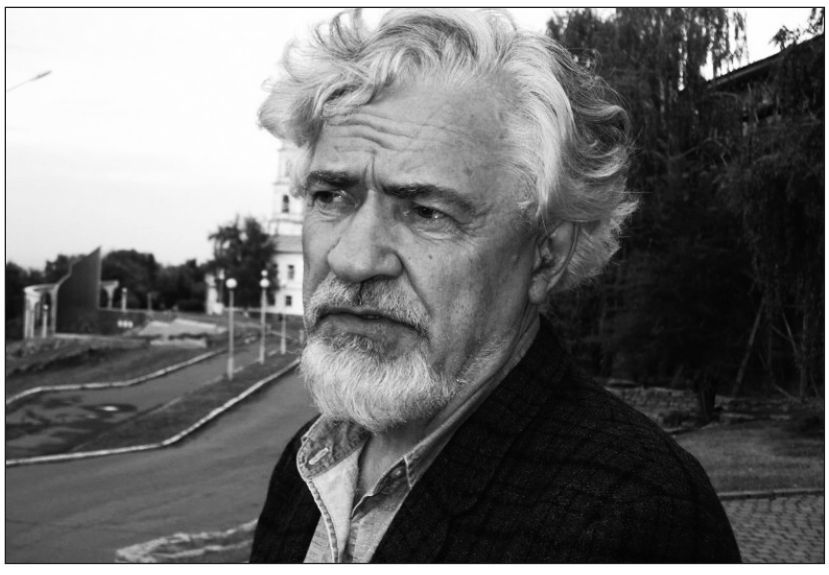
Россия тридцать лет сидит
в тюрьме,
На Соловках или на Колыме,
Но лишь на Колыме и Соловках
Россия та, что будет жить
в веках...

«Почему именно ей такая честь, той России, что сидела в тюрьмах и лагерях? – спрашивает Виталий Шенталинский. И отвечает: – Потому что они, эти люди, не были просто арифметическим числом от народа, они были его лучшей частью.

И еще, они, мои герои, служили Слову – воплощали сознание и память народа. Главный герой моих книг – великое русское слово, чья судьба в XX веке была столь трагична. Самая крепкая и надежная связь и опора для людей – не кровь, не национальность, не убеждения, не деньги, а дух, который прежде всего – Слово, язык. Пока жив язык – мы живы».

По словам коллег

Арсений Рогинский, председатель Правления Международного общества «Мемориал», вспоминал на вечере: «Я тогда занимался регламентами, документацией – тем, что должно было сопровождать передачу материалов архива от КГБ государству. А Шенталинский приходил и говорил: «Я – комиссия, дайте нам эти дела, нам это необходимо». И хотя по существующим законам служащие КГБ могли ему отказать, они давали ему эти дела, потому что он говорил с ними как человек, имеющий право. Виталий Шенталинский – человек бесконечно страстный. Но только благодаря этой страстности, настойчивости ему и удалось пробить лубянскую стену. Мы обречены на бесконечную борьбу с тенью, чтобы добывать крупицы правды».



Алексей Варламов, писатель, профессор МГУ, сказал на вечере, что книги Виталия Шенталинского дороги ему «уважительным отношением к людям той эпохи». «Когда архивы стали закрываться, Шенталинский оказался тем человеком, который обладает уникальной информацией. В пору, когда открытия подобного рода могли бросить тень на любую репутацию, что и случалось, иногда даже без фактических оснований, он старался действовать максимально бережно к людям и корректно».

Несколько лет работала вместе в Виталием Шенталинским, помогала ему филолог Ольга Сушкова. Она вспоминала на вечере, что архив Комиссии по творческому наследию репрессированных писателей начинался с обувной коробки, о которой кто-то пошутил, «мол, это ваш компьютер», свидетельствовала, что благодаря бескорыстию и упорству автора трилогии стала возможной встреча современников с теми, чьи имена сегодня извлечены из небытия или забвения.

Виталий Шенталинский поднял из архива целый пласт нашей литературы, который таился, скрывался и требовал неравнодушного, а иногда и подвижнического труда, цепкой хватки. Для того чтобы его труд превратился в книги, автор трилогии добился почти невозможного – приоткрыл двери Лубянки, доступ к делам репрессированных ныне имеют только жертвы этих репрессий либо их прямые наследники. Но Виталию удалось, и в результате его настойчивости архивные документы превратились в замечательную трилогию.

Мясорубка репрессий действовала одинаково жестко в отношении тех писателей, которые приняли революцию, и тех, кто ее не принял. Почему власть находилась в таких жестоких отношениях с духом, культурой: свободы, гения и славы палачи? Книги Шенталинского помогают это понять. Уничтожалось все, что потом станет гордостью страны.

То, что сделал Виталий Шенталинский, необыкновенно важно. Это гигантский труд, исполненный стремления отдать дань памяти интеллектуальной элите времен Большого террора. Чтобы помнили! Чтобы эпоха Большого террора никогда не повторилась!

На вечере в ЦДЛ Виталий Шенталинский поблагодарил своих друзей по жизни, по «Мемориалу», по литературе за то, что они пришли на встречу, как он сам говорит, главным образом не с ним, а с его героями. «Я благодарю Александра Солженицына, с которым мы обсуждали идею этих книг. Он звонил мне и высказывался по поводу первой книги трилогии. Благодарю Лидию Чуковскую, потому что она тоже успела ее прочитать, – это была едва ли не последняя книга, которую она прочитала в жизни и комментировала ее. Спасибо Льву Копелеву, который откликнулся на мою работу из Германии, Роберту Конквесту, который написал предисловие к американскому и английскому изданиям моей первой книги. Благодарю тех, без кого не пробил бы лубянскую стену – писателей, которые вошли в Комиссию по наследию репрессированных писателей: в первую очередь Булата Окуджаву, Анатолия Жигулина, Юрия Карякина, Владимира Леоновича, Юрия Давыдова, Александра Борщаговского...»

В завершение вечера автор поблагодарил коллектив издательства «Прогресс-Плеяда», выпустившего в свет его трилогию.

Елена Хрусталева,
собственный корреспондент
интернет-издания «Кавказский
узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимках:
1. Виталий Шенталинский.
2. Виталий Шенталинский и Булат Окуджава. 1988 год,

Шенталинский В.А. Рабы свободы: Документальные повести. - М.: Прогресс-Плеяда, 2009. - 588 с.

Шенталинский В.А. Преступление без наказания: Документальные повести. - М.: Прогресс-Плеяда, 2007. - 576 с.

Шенталинский В.А. Донос на Сократа: Документальные повести. - М.: Прогресс-Плеяда, 2011. - 623 с.

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ

ОНА ПРОШЛА ПО «СВЕТЛОМУ ПУТИ»

В № 103 газеты в статье А.Лурье «Жизнь страны в те годы состояла из двух несовместимых частей» (с.11, предпоследний абзац) написано: «Я спрашивал потом в «Мемориале», может ли быть, чтобы человек умер от пыток на следствии, а в деле имелся бы акт о расстреле. Знающие люди сказали, что этого быть не могло. Значит, отец тогда выжил».

На основании изучения дела моей матери я, с сожалением, могу предположить, что это утверждение опровергается историей смерти моей матери в Бутырской тюрьме.

Я родился в семье, как это сейчас принято говорить, «революционеров-интернационалистов», веривших в Мировую революцию и всеобщее счастье на всей этой планете.

Мой отец, Перич Стипе, был родом из города Сплита, тогдашней Австро-Венгерской монархии, из очень бедной и многодетной семьи сапожника. Он стал высококлассным маляром и впоследствии – одним из организаторов коммунистической ячейки югославской коммунистической партии (1919 г.).

Правящая сербская власть жестоко преследовала коммунистов. Отца неоднократно арестовывали. Чтобы избежать многолетнего заключения, в 1924 г. руководство партии приняло решение о пересылке моего отца «в целях помощи в построении Всемирного коммунистического общества» в Советскую Россию.

Тогда же он нелегально перешел границу СССР, поступил в распоряжение Коминтерна, принял советское гражданство и стал Секуличем Николаем Маринковичем, прошел обучение в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада имени Ю.Ю.Мархлевского, который закончил в 1929 г. и занялся преподаванием в вузах Москвы, стал старшим преподавателем и доцентом. Во время работы в Академии им. Фрунзе он получил воинское звание комбрига.

В 1937 г. отец был откомандирован в Испанию помощником советника командующего Военно-морским флотом Республики, будущего адмирала флота СССР и наркома Военно-морского флота СССР Н.Г.Кузнецова.

Интересно, что через всю Европу (в том числе Австрию и Германию) папа проехал по железной дороге с паспортом бразильского итальянца: как и все жители далматинских городов бассейна Адриатического моря, он прекрасно знал итальянский язык.

Мама

Моя мать, Секулич-Довнер Данута Сигизмундовна, родилась в 1904 г. в Польше, в деревне Черная Грязь Гродненской губернии, в семье мелкого предпринимателя: у ее отца была примитивная установка для получения скипидара из хвойной живицы. Летом он нанимал двух подручных. Позже в протоколе допроса матери было указано, что она является «дочерью крупного фабриканта».

В 17 лет она, комсомолка, распространяла коммунистические листовки. Ее арестовали и должны были судить. Товарищи порекомендовали ей сбежать в Советскую Россию, что она и сделала в 1923 г. «под видом секретарши одного из видных деятелей Компартии Польши Т.Ф.Домбаля» (выписка из допроса в НКВД).

В Москве она поступила в тот же, что и отец, Комвуз, дважды выходила замуж. В 1926 г. у нее родилась дочь, которую впоследствии удочерил мой отец.

За моего отца мама вышла замуж в 1928 г.

Она работала в Коминтерне и ВОКСе (Всесоюзное Общество культурной связи с заграницей), но после моего рождения полностью посвятила себя семейным делам.

Наш дом № 12 по Плотникову переулку был населен самыми разными по происхождению людьми. В нашей квартире проживало 44 человека, в ней были одна уборная и печное отопление, но не было ванной или душевой. Вместе с нами, в частности, проживала семья А.Якушева, одного из действующих лиц известной «операции Трест», который «в благодарность» за помощь ОГПУ был уже арестован и исчез где-то на Севере. Его жена, Ф.А.Якушева, 30 октября 1933 г. отвела мою мать (дворянка – коммунистку!) в небольшой роддом в соседнем Денежном переулке, где я и появился на свет. Позже Якушева, бывшая в это время нашим управдомом, отказалась подписывать протокол обыска в нашей комнате.

«Поляков громить вовсю...»

31 августа 1937 г. маму арестовали. При обыске не нашли ничего компрометирующего, но в протоколе указали, что изъято «7 томов к-р литературы». Как впоследствии выяснилось, арест был вызван доносом одной из наших соседок, которая заявила, что мать «вела себя подозрительно». Кроме того, в доносе были упомянуты и многочисленные иностранцы (коммунисты-политэмигранты), которые часто посещали нас и, конечно, были тоже «подозрительны». Как я понимаю, в целом арест был связан с общей политикой «чистки» поляков, латышей, немцев.

Почему же на мою мать и бывших близких к ней людей обрушился репрессивный топор советской власти?

9 августа 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило проект Приказа НКВД СССР № 00485. 11 августа этот приказ был подписан Ежовым и вместе с закрытым письмом «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР», также предварительно одобренным Сталиным и подписанным Ежовым, был разослан во все местные органы НКВД.

По признанию одного из сотрудников УНКВД Московской области А.О.Постеля, «когда нам, начальникам отделений, был зачитан приказ Ежова об аресте абсолютно всех поляков, польских политэмигрантов, бывших военнопленных, членов польской коммунистической партии и др., это вызвало не только удивление, но и целый ряд кулуарных вопросов, которые были прекращены тем, что нам заявили, что этот приказ согласован со Сталиным и Политбюро ЦК ВКП(б) и что нужно поляков громить вовсю».

Параллельно приказу было разослано тридцатистраничное закрытое письмо, обрисовавшее фантастическую картину деятельности польской разведки на территории СССР в течение последнего двадцатилетия.

В этом приказе имелись шесть пунктов, предусматривавших арест подозрительных лиц, из которых непосредственно к моей семье относятся два: «Перебежчики из Польши, независимо от времени перехода их в СССР» и «Политэмигранты и политобменные из Польши».

После ареста матери нас с сестрой выставили из нашей комнаты, а двери опечатали сотрудники НКВД. Тогда «столбовая дворянка» Ф.А.Якушева отвезла нас в «Детский дом детей врагов народа», располагавшийся где-то в центре. Позже, уже в 1970-е годы, я познакомился с двумя моими одногодками из такого же детдома, которые через год содержания в таком же детдоме, были этапированы на Север, в колонию, расположенную в земляной крепости напротив Белозерского монастыря, а с возрастом переведены в ГУЛАГ.

К нам судьба благоволила: через несколько месяцев из Испании вернулся отец. Об аресте мамы он ничего не знал, и невозможно себе представить его состояние, когда он оказался перед опечатанной дверью и услышал от соседей рассказ о нас! Он смог разыскать нас, и мы с сестрой вернулись на Арбат.

Отцу сильно повезло: целый год он каждую ночь ожидал ареста, но этого не случилось. Лишь позже он узнал, что сработала отличная характеристика, данная ему адмиралами Н.Г.Кузнецовым и Н.Е.Басистым, с которыми папа воевал в Испании. Ему объявили строгий выговор по партийной линии «за притупление политической бдительности» (ну, как же он не смог выявить проникшего в его семью врага народа!), не наградили орденами за Испанию и не допустили до преподавания в вузах. Его, доцента, автора ряда научных трудов, отправили учителем седьмых классов для преподавания появившейся тогда новой дисциплины – «Конституция СССР».

Как я провел то лето

О судьбе мамы мне с сестрой не было известно ничего.

Так продолжалось до 1940 г., когда отцу, сняв выговор, разрешили преподавать и одновременно направили в ТАСС для работы «на Югославию». В следующем году я должен был идти в школу, но учиться не пришлось – началась война, бомбежки, и в конце лета мы с сестрой были отправлены в эвакуацию в Горьковскую область, а папа остался в Москве. Поскольку я провел в Москве почти все лето19 41 г., я видел всякое: папа был назначен начальником добровольной дружины охраны нашего квартала (дома № 10–16 между Сивцевым Вражком и Гагаринским переулками). Дело в том, что немцы сбрасывали на Москву то, что сегодня назвали бы «кассетными» бомбами, а в то время «чемоданами»: большие фанерные бомбы, содержащие множество полуторакилограммовых зажигательных бомб. Они-то и являлись источниками многочисленных пожаров по Москве. Против этого и действовали дружины добровольных помощников – они дежурили на крышах и чердаках домов и либо сбрасывали бомбы на улицу, либо засыпали очаги пожаров песком.

Отец прекрасно знал, что такое бомбежки, – у него на память остался осколок, обнаруженный им в подушке его номера в гостинице в Испании. Касок для гражданских лиц не было. Но отец, прошедший испанскую войну, нашел выход: однажды, выйдя утром из бомбоубежища, я увидел на крыше двухэтажного флигеля (вы только представьте себе!) человека в телогрейке, кирзовых сапогах и... в цилиндре на голове! В Испании отец обзавелся настоящим лакированным цилиндром, а в Москве напихал в него старого тряпья, что и защищало его от осколков. Подобным же образом, создавая себе защиту из ушанок, поступали и его подопечные.

Я хорошо помню, как с июля мы заранее, до начала воздушной тревоги, брали с собой самое необходимое и шли в ближайшее метро «Дворец Советов», ныне «Кропоткинская», и уходили по тоннелю в сторону станции «Библиотека Ленина», пока не находили свободное место, где и ночевали, а утром нас выпроваживали домой.

В Югославии

Ну, а далее – война, голод, возвращение из эвакуации, учеба, а после окончания войны – в конце 1945 г. – неожиданное сообщение: все недострелянные бывшие политэмигранты отсылаются в свои страны «народной демократии» для построения социализма.

Так летом 1946 г. я приехал в Югославию, в Белград, где и поучился в советской школе при посольстве СССР.

Интересно, что в это время проживавшие в Югославии эмигранты первой (послереволюционной) волны, не запятнавшие себя коллаборационизмом, получили разрешение на восстановление гражданства. Но им не разрешали вернуться в СССР, а их детей не пускали для обучения в «советской» школе, в которой даже учителя были приглашены на работу из Москвы.

В 1948 г. в результате личного столкновения Сталина и Тито отношения между странами были прерваны, все советские специалисты и советники были отозваны и «получили по заслугам»: некоторые расстреляны (например, представитель ТАСС в Югославии), мно-

Сикулич Данута Сигизмундовна (Довнер)
Родилась в 1904 г., дер. Черня-Весь Гродненской губ. (Польша); полька; образование высшее; б/п;
инспектор театрального управления Комитета по делам искусства при СНК СССР.
Проживала: Москва, Плотников пер., д. 12, кв. 1.
Арестована 31 августа 1937 г.
Приговорена: Комиссией НКВД СССР и прокурора СССР 28 ноября 1937 г., обв.: в нелегальном переходе через границу, связи с поляками и немцами, хранении контрреволюционной литературы.
Расстреляна 11 декабря 1937 г.
Место захоронения - место захоронения – Московская обл., Бутово.
Реабилитирована 28 июля 1956 г.
Источник: Москва, расстрельные списки – Бутовский полигон том III, стр.175, место хранения дела – ГА РФ.

гие уволены с работы или получили понижение по службе и т.д. Причина? «Как же вы проглядели, что вся компартия Югославии состоит исключительно из фашистов и американских шпионов!» В общем, товарищ Сталин здесь ни при чем. Мой отец по возвращении оказался исключенным из партии «за трехлетнюю неуплату членских взносов», хотя взносы он платил в своей ячейке Союза коммунистов Югославии, куда он и был откомандирован. Он, профессор философии и общественных наук, получил запрет на любую работу, даже маляром, как в молодости.

Реабилитация, вызвавшая вопросы

В 1956 г. на наш запрос мы получили уведомление о посмертной реабилитации мамы и о ее смерти в 1942 г. «в результате язвенной болезни». Только в 1991 г. я смог ознакомиться с ее «делом», где было еще одно свидетельство о смерти – 11 декабря 1937 г. с указанием причины смерти: расстрел.

Но и эта причина, как и первая, скорее всего, оказывается ложью.

В материалах допросов моей матери, Довнер-Секулич Дануты Сигизмундовны, 1904 г.р., арестованной 31 августа 1937 г., приведены тексты пяти ее последовательных допросов, из которых я понял, что она не только ни в чем не «признавалась», но, судя по протоколам, очень резко отзывалась о системе страны, в которую она приехала для строительства социализма и «окончательной победы мировой революции».

В «Заключении» по архивно-следственному делу № 736380 от 31 мая 1956 г., утвержденному зам. начальника управления КГБ по городу Москве полковником Белоконевым (подпись: А.Комиссаров), на с.2 сказано: *«В ноябре 1937 г. следствие по делу ДОВНЕР-СЕКУЛИЧ без выполнения требований ст.206 УПДК РСФСР было закончено.*

Постановлением НКВД и Прокуратуры СССР от 28 ноября 1937 г. Довнер-Секулич Д.С. была осуждена к ВМН, причем обвинительное заключение по делу было утверждено через несколько месяцев после ее осуждения (л.д.28–31)».

Обвинительное заключение датировано 27 января 1938 г., а приговора в деле нет вообще. При этом в обвинительном заключении есть справка о том, что обвиняемая содержится в Бутырской тюрьме. Но в «дело» была вложена короткая стандартная «Справка о том, что 11 декабря 1937 г. приговор приведен в исполнение».

Несоответствие дат, исправления в документах позволяют мне предположить, что моя мать была убита на допросе в тюрьме. Ее имя есть в мартирологе Бутовского полигона, но правду о ее смерти я так и не смогу узнать уже никогда.

Марио Секулич

На снимках:

1. Фото из личного дела заключенной Бутырской тюрьмы Дануты Секулич-Довнер, 1937 г.
2. Воспитанники детского дома, 1937 г. Москва. В первом ряду третий справа – автор статьи

От редакции. Отсутствие приговора в деле осужденного «двойкой» (Комиссией, состоящей из наркома внутренних дел и прокурора СССР) – не исключение, а правило, не знающее исключений. Закрытость архивов и недостаточная осведомленность о реальных механизмах террора привели автора к логичным, но не совсем верным предположениям. Вообразить себе эти механизмы, когда решения о расстреле выносились заочно и в массовом порядке, нормальному человеку достаточно сложно.

Вот как описан порядок осуждения по приказу № 00485 в статье Н.В.Петрова и А.Б.Рогинского www.memo.ru/history/polacy/

«Приказ 00485 создавал принципиально новый в практике ОГПУ–НКВД процессуальный порядок осуждения. После окончания следствия на обвиняемого составлялась справка «с кратким изложением следственных и агентурных материалов, характеризующих степень виновности арестованного». Отдельные справки каждые десять дней надлежало собирать и перепечатывать в виде списка, который представлялся на рассмотрение комиссии из двух человек — начальника НКВД–УНКВД и прокурора (отсюда разговорное, в официальной переписке не встречающееся название этого органа — «двойка»). В задачу «двойки» входило отнесение обвиняемого к одной из двух категорий: первой (расстрел) или второй (заключение на срок от 5 до 10 лет). Затем список отсылался на утверждение в Москву, где его должны были окончательно рассматривать и утверждать Нарком внутренних дел и Генеральный прокурор, то есть Ежов и Вышинский. После этого список возвращался в регион для исполнения приговоров.

Этот порядок осуждения в переписке НКВД вскоре стали называть «альбомным», вероятно, потому, что машинописные списки заполнялись на листах, расположенных горизонтально, сшивались по узкой стороне и внешне напоминали альбом.

На практике на местах, после того как оперативный сотрудник составлял справку, он же, вместе с начальником отделения или отдела, и предлагал меру осуждения. Начальники управлений и прокуроры, которые должны были ставить свои подписи под списками (сформированными по «национальным линиям» — отдельно по польской, отдельно по финской и т. д.), делали это автоматически, обычно порознь, без каких-либо обсуждений или, тем более, обращений к следственным делам.

Нечто сходное происходило и в Москве, куда поступали альбомы. Ни Ежов с Вышинским, ни их заместители М.П.Фриновский и Г.К.Рогинский, также иногда подписывавшие альбомы, в них не заглядывали. Рассмотрение альбомов было перепоручено нескольким начальникам отделов Центрального аппарата, вначале начальнику учетно-статистического отдела В.Е.Цесарскому и контрразведывательного А.М.Минаеву-Цикановскому, которым помогал начальник секретариата Ежова И.И.Шапиро (отсюда слухи о специальной «тройке» при Ежове), затем, когда альбомов стало больше, к работе были привлечены другие начальники отделов, их заместители и помощники, даже начальники отделений. В различных документах мы встречали упоминания по крайней мере полутора десятков человек, в разное время занимавшихся рассмотрением альбомов. Все они, судя по многочисленным свидетельствам, относились к этой деятельности как к обременительной дополнительной нагрузке, от которой старались поскорее отделаться. За вечер каждый из них выносил решения по 200–300 справкам. Как правило, они лишь механически одобряли пришедшие с мест предложения, но изредка по каким-то причинам не соглашались с ними и ставили на полях списка пометы — об изменении меры наказания или о передаче дела на доследование либо в судебный орган. Список, с учетом помет, перепечатывался набело, подавался на подпись Ежову, после чего с курьером отправлялся на подпись Вышинскому.

Таким образом оказывалось, что единственным человеком, реально видевшим следственное дело, был сам следователь, он же, по сути, в большинстве случаев и выносил приговор».

Заметим, что «приговор» здесь означает лишь меру наказания; в делах, рассмотренных «двойкой» и тройками, приговор как процессуальный документ просто не мог появиться.

ДЕТИ ГУЛАГА.

КНИГА ПАМЯТИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ МЫТИЩИНСКОГО РАЙОНА

Мытищинским обществом жертв политических репрессий подготовлена к изданию «Книга памяти жертв политических репрессий Мытищинского района. Дети ГУЛАГа». Это издание дополнит первую книгу, вышедшую в издательстве «Горная книга» в 2009 г. «Книга...» включает в себя поименные списки 834 человек, проживавших ранее на территории Мытищ.

В подавляющем большинстве это дети арестованных, расстрелянных, осужденных и отправленных в ссылку на поселение в годы массового государственного террора. Законодательством РФ они признаны пострадавшими от политических репрессий. Материалом для составления «Книги...» послужили личные документы реабилитированных жертв политических репрессий, материалы архивов ФСБ, а также архива организации. Подготовкой «Книги...» занимались активисты общества жертв политических репрессий Н.И.Рушинская, Г.А.Дениско, К.А.Крепак, Р.Е.Нисневич, Л.Ф.Злонская, А.И.Березняцкая, И.Т.Колчинская, Р.М.Силаева. Кроме поименных списков, книга содержит личные воспоминания репрессированных.

В издании «Книги...» приняли участие администрация Мытищинского района и издательство «Горная книга». В настоящее время «Книга...» находится в работе в издательстве и будет напечатана весной 2012 г.

Со стороны государства тема политических репрессий в XX веке все дальше и дальше отодвигается на задворки истории под предлогом, что «не надо чернить наше прошлое». Но народ, забывший свою историю, обречен на деградацию, потому что он не может извлечь уроки из ошибок прошлого и рано или поздно повторит их. Это вызывает страх за будущее страны, за будущее наших потомков.

В нашей стране, где от репрессий пострадали десятки миллионов человек, эта тема стыдливо замалчивается.

На митинг на Лубянке 30 октября уже не приходят представители власти. Президент страны и премьер не забывают поздравить с праздником строителей, энергетиков, железнодорожников, рыбаков и представителей других профессий с их праздниками. А для людей, испытавших на себе репрессивную политику государства, не находят даже нескольких слов.

В замалчивании скорбной даты памяти 30 октября видится нежелание власти признать геноцид собственного народа и извлечь из этого факта уроки.

Признать на государственном уровне факт геноцида в нашей стране в XX веке – это значит: признать уничтожение крестьянства и всей системы сельскохозяйственного производства; ухудшение генофонда страны, в ходе репрессий потерявшей интеллектуальную элиту. Лучшие представители духовной, культурной и технической интеллигенции были уничтожены либо высланы за границу. Страной оказался не востребован интеллектуальный потенциал двух поколений людей, а оставшиеся в живых в страхе за свою жизнь и жизнь детей выродились в покорных рабов правящего класса. Итогом этого стали спившиеся деревни, наркозависимые моногорода и деградирующее население.

Франция, проигравшая России войну 200 лет назад, в 1812 году, считает, что до сих пор не восстановила свой генофонд. Нам не восстановить наш генофонд уже никогда. И он ухудшается с каждым годом.

Как подсчитать ущерб

Признать репрессии — это значит признать, что политика государства в отношении семьи как ячейки общества была антисемейной. Семья начала уничтожаться с началом репрессий в самых изощренных формах. Мужья расстреливались, жены высылались в лагеря, братья отправлялись в разные лагеря, дети отдавались в детдома.

Число детей, пострадавших от репрессивной политики государства, невозможно будет просчитать никогда.

Миллионы их были отправлены с родителями в ссылку на спецпоселение, в детские дома и приемники НКВД. Я не оговорилась — миллионы, потому что только по официальной статистике на 1 января 1953 года в стране на спецпоселении находились 2 819 719 человек и среди них 884 057 детей. И их не освободили с 1 января 1953 года. (Статистика приводиться по бюллетеню «Население и общество» Института демографии Государственного университета – Высшей школы экономики: «Общее число репрессированных» А.Вишневский, www.demoscope.ru/weekly/2007/0313)

Работая над книгой, я увидела, что очень многие были освобождены со спецпоселения в 1955–1956 годах.

В спецпоселке, где жила я, латышей, которые находились там с 1949 года, освободили только в мае 1959 года — ровно через 10 лет после высылки. Я знаю это точно, потому что мои друзья латыши не сдавали экзамены в школе в 10-м классе — они выехали сразу после получения справок об освобождении с оставшимися в живых родителями. Но большинство родителей к тому времени уже лежали на кладбище от непосильной работы на лесоповале.

Цифра 884 057 человек числящихся на 1 января 1953 года детей в спецпоселках – это не считая тех, кто был освобожден со спецпоселений раньше. Не считая тех, кто умер на спецпоселениях. Это не считая тех, кто умер в товарных вагонах для перевозки скота, когда их везли месяцами на спецпоселение, и которых просто выбросили из вагонов. Никто не считал, сколько бежавших детей погибло в тайге от голода и холода.

Прямым следствием репрессий явилось беспризорничество. Дети вынуждены были бежать, скрывать свое социальное происхождение, воровать, чтобы не умереть с голода.

Моим словам есть свидетельства в воспоминаниях выживших, которые мы сейчас собираем.

Исправление ошибок

И если сегодня в нашей стране с каждым годом увеличивается количество детей, сбежавших из дома, а также матерей, отчаявшихся от невозможности прокормить детей и выбрасывающих их на помойку, – в этом видна антисемейная политика государства, продолжающаяся с 20-х годов.

Цивилизованное государство должно извлечь уроки из своего прошлого: ввести в стране день национального траура по жертвам политических репрессий XX века, перевести льготы для реабилитированных на федеральный уровень и выплачивать ее независимо от размера пенсии по возрасту.

Но наши власти не хотят помнить о прошлых ошибок. Она терпеливо ждет, когда мы, свидетели того времени, уйдем из жизни и слова «реабилитированные жертвы политических репрессий» не будут оскорблять ее слух. Может быть, ей, власти, как и в сталинские времена, не нужны умные и талантливые интеллектуалы, а нужны именно рабы. Поэтому и создаются такие условия, чтобы умные и талантливые не мешались, а остались покорные рабы, готовые работать за пайку.

И тогда можно будет для наведения порядка в стране вновь ввести репрессии. В СМИ уже сообщалось, что готовится вопрос о том, чтобы ввести дополнения в законодательную базу и считать любые митинги протеста попытками изменения конституционного строя. Практически это та же 58-я статья сталинского режима. Мою статью при желании тоже можно подвести под эту статью.

Дениско Галина Алексеевна,
Мытищинское общество жертв политических репрессий

На снимке: репрессированная жительница Мытищ – учительница Дорошкина Зоя Гавриловна, со своими учениками в спецпосёлке №3 Горкинского леспромхоза Амурской области, 1939 год

ДЕЛО О ФАШИСТСКО-ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ГРУППИРОВКЕ

«Человек в истории. Россия — XX век», всероссийский конкурс исследовательских работ для старшеклассников, проводится обществом «Мемориал» с 1999 года.

«Конкурс стал своего рода реакцией на ситуацию, сложившуюся в исторической науке России. В ней на протяжении многих десятилетий внимание уделялось преимущественно масштабным общественным процессам, геополитическим вопросам и социальным катаклизмам, при этом конкретные человеческие судьбы оказывались за пределами рассмотрения.

Школьники, благодаря собственным исследовательским проектам обращаются к истории эпохи, «растворенной» в судьбах их семей, городов, деревень и людей» — считают организаторы. Подробную информацию о конкурсе можно прочитать на www.urokiistorii.ru/learning.

В конкурсе 2011 г. одним из победителей конкурса стал Дмитрий Васильев, девятиклассник из Твери. «30 октября» публикует фрагмент его работы, рассказывающей о репрессиях 30-х годов в его семье.

Во втором томе «Книги памяти» Тверской области, на странице 264, опубликована короткая, в шесть строк, запись о моем прадеде, Вениамине Михайловиче Романове. Всего шесть строк, а что за этими строками? Какая жизнь прожита моим прадедом? Я поговорил с бабушкой и узнал, что мой прадедушка был осужден за участие в фашистской террористической группировке в 1933 г., а потом в 1956 г. был реабилитирован.

Согласно документам, в 1933 г. было открыто дело о фашистской группировке, которая была обнаружена в Калининском городском коммунальном хозяйстве (Горкомхозе). В 1930 г. Калининским Горкомхозом для проведения инвентаризации города было организовано техническое бюро, где работало около 30 техников-инвентаризаторов.

В «Обвинительном заключении по делу № 1212» говорится о том, что комплектование персоналом технического бюро проводилось без какой-либо проверки, в результате чего в него проникло большое число детей священников, торговцев, судимых органами советской власти за различного рода преступления. В 1933 г. персонал бюро обвинили в создании контрреволюционной фашистской организации, целью которой являлось «убийство Сталина, свержение советской власти и замена ее фашистским строем».

На титульном листе следственного дела № 27959 (№ 6162-С) «по обвинению» указан перечень фамилий людей, которые фигурируют в документах дела. Всего перечислено 11 фамилий. Все они технические работники вагонного завода и городского коммунального хозяйства, о них же подробно рассказывает:

1. Алексеев Алексей Гаврилович, 1902 года рождения, русский, уроженец города Калинина, по социальному происхождению — служащий (сын извозопромышленника), беспартийный, со средним техническим образованием. С 1918 по 1921 г. служил в авиапарке города Калинина, до ареста работал на вагонном заводе техником.

2. Иванов Виктор Георгиевич, 1901 года рождения, уроженец города Москвы, русский, беспартийный, по социальному происхождению из крестьян — середняк. В 1926 г. был осужден коллегией ОГПУ за контрреволюционную деятельность на 3 года заключения в концлагерь. Срок наказания закончился в 1932 г. На иждивении имел жену и двух детей. До ареста проживал в деревне Старбеево Московской области, временно не работал.

3. Колосов Сергей Александрович, 1909 года рождения, русский, сын дьякона. До ареста работал пианистом в кино «Эрмитаж» в городе Калинине. («Эрмитаж» — это кинотеатр, который располагался на первом этаже здания современного Дома Техники, что на площади Советской города Твери.) На иждивении имел мать. Холост.

4.Марканов Георгий Порфирьевич, 1907 года рождения, уроженец города Пензы, беспартийный, социальное происхождение — из крестьян. Середняк. Сын крупного мукопромышленника. Его отец был владельцем паровой мельницы в Пензе. Работал на вагонном заводе техником, сметчиком, техником отдела главного механика вагонного завода. Беспартийный.

5. Осипов Николай Николаевич, 1896 года рождения, уроженец Ленинграда, русский, беспартийный, социальное положение — из служащих. С незаконченным высшим образованием, по специальности — техник-строитель. Служил в войсках ВЧК—ОГПУ. В 1926 г. был осужден за растрату денег нарсудом к 5 годам лишения свободы, срок отбыл в Калининском ИТУ. Женат, имел на иждивении жену и мать. До ареста проживал в Калинине, работал заведующим строительным отделом фабрики имени Вагжанова.

6. Романов Вениамин Михайлович, 1907 года рождения, уроженец Калинина, русский, беспартийный, социальное происхождение — из мещан. До ареста проживал в Калинине, работал техником в бюро инвентаризации Калининского Горкомхоза. Женат, имел на иждивении жену и дочь девяти месяцев.

7. Ставров Борис Николаевич, 1908 года рождения, русский, уроженец Москвы, мать — дворянка, беспартийный, с неоконченным средним образованием. В 1928 г. был судим и приговорен к 3 месяцам принудительных работ, срок наказания отбыл. До ареста работал пианистом в кино «Эрмитаж» в Калинине. Холост, на иждивении имел мать.

8. Сухарев Александр Сергеевич, 1902 года рождения, уроженец деревни Прибытково Калининского района Калининской области, русский, беспартийный, социальное происхождение — из торговцев. В 1929 г. был судим органами ОГПУ за контрреволюционную деятельность. До ареста проживал в Калинине, работал прорабом в МТС.

9.Шумович Аркадий Александрович, 1905 года рождения, белорус, уроженец Гродненской области, Польша. Сын высланного священника, беспартийный. Работал на кожевенном заводе счетным работником.

10. Цветков Алексей Ефимович, 1908 года рождения, уроженец Калинина, по социальному происхождению — служащий, беспартийный, со средним техническим образованием. В 1929 г. был судим органами ОГПУ в Москве за подделку и распространение фальшивых монет. Приговор — 3 года лишения свободы — условно. До ареста работал на вагонном заводе техником по гражданскому строительству. Разведен.

11. Флеров Николай Николаевич, 1908 года рождения, русский, уроженец Калинина, по социальному происхождению — сын священника. До ареста работал на вагонном заводе в отделе главного механика техником. На иждивении имел жену.

Больше всего сведений о людях, проходивших по этому делу, дал Осипов. Он рассказывал очень подробные сведения о моем прадеде, даже некоторые медицинские сведения и личную информацию. Именно на его показания даются ссылки в деле в указании тех или иных слов, сказанных во время встреч. О Сухареве Осипов говорит, что «его мозг работал против существующего порядка, а каждый техник должен быть моральным продолжателем дела Рамзина, а каждый гражданин — дела Штерна».

Кроме этих фамилий, в документах упоминается еще ряд фамилий — Былинкин, Замарин, технический строитель Зимин — но сведений об их дальнейшей судьбе нет.

Упоминается также Левит А.Л.— начальник объекта Мильтенгоф, который был уволен в связи с арестом как агент фашистской разведки. Проживал в Москве. Левит Адольф Львович, еврей, родился в 1896 г. С 1920 по 1925 г. проживал в буржуазной латвийской столице, где был завербован в качестве агента латвийской разведки. 3 января 1938 г. он был расстрелян.

Как же возникла эта «фашистская группировка»

Согласно обвинительному заключению, когда было образовано техническое бюро, к числу перечисленных выше «социально чуждых элементов примкнули Левит, Иванов и Осипов, административно выселенные коллегией ОГПУ».

Поступив на работу в бюро, они организовали «активную контрреволюционную деятельность», сгруппировали «вокруг себя социально чуждую молодежь». Под видом выпивок они стали проводить нелегальные собрания, на которых выступали с резкой критикой мероприятий советской власти». К 1931 г. «благодаря активной контрреволюционной деятельности Левита, Иванова и Осипова, в стенах Горкомхоза оформилась организация, обсуждавшая вопросы о совершении убийства т. Сталина и др. террористических актов против членов правительства — свержении советской власти и замене ее фашистским строем» (в документе эти слова подчеркнуты красным карандашом).

Вскоре, согласно обвинительному заключению, «встречи и сборы приобрели систематический характер, как на службе, так и по квартирам» и продолжались в течение трех лет.

Во главе организации, согласно документам, стояли Левит, Осипов и Иванов. Местом собраний были квартиры Алексеева, Марканова и Романова. В служебное время местом собраний было бюро инвентаризации. Осипов систематически присутствовал на собраниях. После увольнения Осипова вторым по активности был Иванов.

В июне 1932 г. Иванов стал заведующим бюро. В материалах допросов Иванов неоднократно был назван активным членом организации, а в обвинительном приговоре и вовсе он «признал и показал», что он «фактически сделался идейным вдохновителем и вожатым этой контрреволюционной группы».

В следственном деле есть интересный машинописный документ «Справка на арест Марканова Г.П. и Романова В.М.», в котором синим карандашом подчеркнуты слова Марканова, с указанием дат — 2 августа, 9 сентября 1933 г. Видимо, доносящий человек записывал их. В верхнем левом углу наискосок красными чернилами росчерк «на арест Марканова ... и Романова согласен. ...Прокурор» и подпись — росчерк ручкой черного цвета и число — 11 октября 1933 г.

В этот день 11 октября 1933 г. в доме Вениамина Михайловича произошел обыск. При обыске присутствовали милиционер восьмого отделения Горячев и домовый комендант Владимиров, хозяин дома. Была изъята одна фотокарточка. Мы не знаем, как проходил обыск. Бабушка была совсем маленькая, ей было всего 9 месяцев. Позднее было опасно говорить об этом, а когда можно стало — не было уже тех, кто мог бы рассказать.

Написано собственноручно?

В анкете арестованного об имущественном положении в момент ареста, где требуется «перечислить подробно недвижимое и движимое имущество... до 1929 г., и до 1917 г.» указано, что «нет ничего, кроме личных вещей». Отправлен был Вениамин Михайлович, согласно справке в КСО ПП ОГПУ, в Калининское ИТУ.

В документах цитируются вероятные слова или оговор, с указанием дат: 19 августа 1933 г.: «Население как кролики, которых сажали в кучу и делают, что хотят: бьют, морят голодом, хорошей жизни не может быть, пока эта сволочь находится у власти». 23 августа 1933 г.: «Политика Сталина — политика сумасшедшего человека. Сталин ведет страну к гибели, за его жизнь не жаль отдать и свою. Каждый человек это сделал бы. Смерть Сталина избавление для массы людей».

12 декабря, спустя два месяца после ареста, согласно «Постановлению об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения», мой прадед, по мнению чекистов, «достаточно изобличается в том, что, будучи враждебно настроен к существующему строю, систематически высказывался за свержение совввласти». Далее по тексту следует, что он, «являясь участником фашистско-террористической группировки, неоднократно обсуждал вопрос об организации террора против членов правительства и тов. Сталина».

А в тексте протокола допроса Вениамина Михайловича указывается об определенном убеждении участников «группировки» в том, что «советское правительство своей политикой во главе со Сталиным, диктаторствующим в стране, ведет ее к гибели и разорению народа»... и поэтому «члены группировки» пришли к «единодушному решению о необходимости борьбы с советской властью». Романов Вениамин Михайлович был привлечен в качестве обвиняемого по ст. 58 п. 11 и 8 и препровожден под стражей в Калининское ИТУ.

В протоколе допроса Романова В.М. есть строка «Написано собственноручно». Ниже строка — «Романов», здесь предполагается подпись, но ее нет, значит, прадедушка не подписывал протокол. Да и сам протокол не написан «собственноручно», а напечатан на пишущей машинке. Значит, это была заготовка. Нет подписей ни прадедушки, ни ведущего допрос уполномоченного О.Г.Зимина и подписей под словами «Верно».

Выходит, это все было не обязательно, важен был сам факт нахождения человека в ОГПУ для обвинения его в чем-либо. И никаких прав. И никакой законности.

Согласно документам следственного дела, 11 января 1934 г. все участники этих встреч были осуждены тройкой ПП ОГПУ Московской области на основании статьи 58-10, 11 УК РСФСР:

Мой прадед Романов Вениамин Михайлович был осужден к 5 годам ИТЛ как участник фашистско-террористической группировки. 1 февраля он был отправлен в место отбывания наказания: БАМЛАГ ОГПУ, на станцию Михайло-Чесноковская Уссурийской железной дороги.

Затем были долгие трудные годы работы в этом БАМЛАГе.

Поздние справки

В 1956 г., в период первой волны реабилитации, проходила проверка показаний начала 1930-х гг.: были передопрошены обвиняемые Иванов, Романов и Сухарев. От своих признательных показаний 1933 г. они отказались. Дедушка и его товарищи заявили, что «никакой антисоветской деятельностью они не занимались и никакой организации в системе Горкомхоза не существовало».

Именно после этих показаний в ходе пересмотра дела 4 октября 1958 г. военным трибуналом Московского военного округа «постановление тройки при ПП ОГПУ МО от 11 января 1934 г. в отношении Романова В.М. было отменено и дело о нем прекращено за отсутствием состава преступления». Эта справка называется справкой о реабилитации, но только 22 августа 2003 г. государство в лице прокуратуры Тверской области выпустило справку, где написано, что «Романов Вениамин Михайлович реабилитирован», но, к сожалению, мой прадед не дожил до этого 10 лет. Он умер в 1993 г.

Значит, не было никакой фашистско-террористической группировки и все дело было состряпано, сфабриковано, а люди под угрозами и пытками следователей себя оговаривали.

Дмитрий Васильев, Тверь

Приморский край: Владивосток, Артем, Находка; Псковская обл.: Псков, Великие Луки, п. Цапелька, Хредино; Ростов-на-Дону; Новочеркасск; Рязань; Санкт-Петербург; Самара; Тольятти; Саратов; Сахалинская обл.: Южно-Сахалинск;

КУДА ВЕЛА ДОРОГА К ХРАМУ?

22 декабря в «Мемориале» прошел семинар «Российская школа, церковь, медиа и проблемы «проработки прошлого» – восьмой открытый семинар в рамках совместного проекта «Мемориала» и Аналитического центра Юрия Левады «Демократия в России».

Перед выступающими был поставлен вопрос: в какой мере можно говорить об участии основных институтов, воспроизводящих ценности общества, – школы, церкви и СМИ – в «проработке» советского прошлого? Какие группы, сообщества, крупные фигуры внутри этих институтов заинтересованы в подобной работе?

Ключевую проблему сформулировал ведущий семинара социолог и культуролог, заведующий отделом социально-политических исследований Левада-Центра Борис Дубин: «Мы хотим понять, почему в России настолько затянулась ситуация, в которой прошлое никак не может «пройти». Это непреодоленное прошлое стало чем-то вроде тромба в теле российского общества, не давая идти процессам обновления. Как восстановить нормальное кровообращение и биение сердца в ритме с общим историческим временем?»

Семинар состоял из трех блоков, посвященных соответственно церкви, школе и средствам массовой информации, и продолжался больше трех часов. Поскольку в «30 октября» неоднократно публиковались материалы, посвященные преподаванию истории и проблемам учебников в современной российской школе, а ситуация со СМИ более или менее однозначно воспринимается образованной частью российского общества, мы подробнее расскажем читателям о той части дискуссии, которая затрагивала проблему проработки советского прошлого в деятельности Русской православной церкви.

На перепутье

Журналист, ведущая религиозной рубрики сетевого «Ежедневного журнала» www.ej.ru Светлана Солодовник охарактеризовала ситуацию в целом: «Для понимания нашей темы важно посмотреть, как церковь осмысляла свое собственное прошлое советского периода.

Насколько она была готова восстанавливать канонические нормы, за которые реформаторы боролись еще с конца XIX века и которые были разрушены в условиях тоталитарного государства? Это возобновление практики созыва поместных соборов, выборы патриарха, установление православного прихода, предоставление духовенству и мирянам голоса при выборе епископа, установление соборности на всех уровнях церковного управления. Выполненным можно считать только пункт о выборах патриарха и восстановлении прихода и то с оговорками, поскольку кандидатов на патриарший престол выдвигает архиерейский собор, а не поместный, а епископов вообще никто не выдвигает. Приход поправками 2008 г. вообще лишен каких-либо прав. Поместные соборы – высший орган управления церковью – практически не собираются...

Авторитарные тенденции в церкви только нарастают. Последние поправки в устав лишили возможности влиять на ситуацию в церкви не только мирян, но и священников.

Другой важный вопрос – отношение к сергианству[1]. Он до сих пор вызывает массу споров. Одни считают, что соглашательство с безбожной властью обрекло церковь на перерождение, но многие убеждены, что только политика патриарха Сергия позволила церкви выжить. Никакого консенсусного решения вывести не удается. Иерархи стараются эту тему лишний раз не поднимать, и никакого официального документа с оценкой сергианства нет...

Церковь активно борется за десекуляризацию[2] общества, и именно в этом контексте ведутся постоянные разговоры, что для России не годятся западные идеалы демократии, приоритет прав человека и т.п. Это тоже своего рода «проработка прошлого», но она повергает общество в архаику.

Тем не менее, определенные положительные процессы есть. Во-первых, патриархия высказала свое отношение к Сталину – сначала устами митрополита Иллариона в интервью журналу «Эксперт» в 2009 г. Позже патриарх Кирилл подтвердил, что считает сталинизм преступным режимом, потому что в результате его действий погибали невинные люди. Это вызвало волну негодования среди церковных сталинистов, но позиции сданы не были.

Если официальное отношение к Сталину скорее отрицательное, то к советскому прошлому в целом – скорее положительное. И Алексий II, и Кирилл не раз говорили, что нельзя отрицать всё, что было в прошлом, – была обеспеченная старость, бесплатные образование и медицина.

Однако в церкви есть священники и целые сообщества, которые целенаправленно работают на преодоление стереотипов постсоветского сознания. Еще в 1994 г. священник Александр Борисов выпустил книгу «Побелевшие нивы: Размышления о Русской православной церкви». Последовательно и целенаправленно проработкой прошлого занимается Свято-Филаретовский православно-христианский институт, костяк которого составляет приход о. Георгия (Кочеткова). Здесь с 1991 г. проводятся ежегодные конференции, где обсуждаются богословские темы и насущные общественные проблемы. На них приезжают до тысячи человек из провинции. В этом году темой конференции было «Служение Богу и человеку в современном мире».

Появилось несколько книг, написанных священнослужителями и вызвавших острую дискуссию. Это книги о. Георгия (Митрофанова), статьи игумена Петра (Мещеринова) и других. Они тоже говорят, что в нашей повседневной жизни преобладают черты советской России и особенно печально их наблюдать в церковной жизни.

Электронные православные СМИ стали чувствовать себя гораздо свободнее, начали говорить о политике. Самый живой и интересный портал – «Православие и Мир» www.pravmir.ru, который даже освещает выборы и послевыборную общественную активность. Появились молодые священники, которые ощущают себя частью гражданского общества и пишут о политике с гражданских позиций. Один из них – о. Дмитрий (Свердлов) – стал наблюдателем на выборах и написал о своих впечатлениях: «Можно сказать, что церковная общественность постепенно сама – и в рефлексии, и в практике – встраивается в гражданское общество. Но последняя речь патриарха, наверное, не сможет помешать этой тенденции, но сильно ее затормозит».

Советские святые

Проблемам памяти и канонизации новомучеников советского периода было посвящено выступление Бориса Колымагина – журналиста, писателя, автора книг на религиозные и исторические темы («Сталинской премии архиепископ», «Крымская экумена», «Искушение культурой»): «Память церкви – это прежде всего память о святости. Противостояние безбожной власти дало нам много примеров утверждения духа и смысла. Большинство священников, живших при советской власти, настроены антисоветски, они очень скептически смотрят на то, что было. И вокруг них складываются общины и люди, для которых тема памяти очень важна.

В то же время церковь стала прибежищем для бывших советских людей. По своей ментальности и культуре средний верующий ближе к советскому человеку, чем неверующий горожанин. Эти люди – а их большинство – противятся разговору о репрессиях. И духовенство вынуждено как-то обходить этот больной вопрос.

Память о советских гонениях закрепляется в церкви через канонизацию новомучеников и через музейную работу, установление памятников в местах массовых расстрелов. Но канонизация заканчивается сталинским правлением, и совершенно обходятся стороной мученики хрущевского периода, такие, как архиепископ Калужский Гермоген (Голубев). Это связано с тем, что патриарх Алексий II был непосредственно причастен к гонениям на Гермогена. И вообще живы люди, которые не хотят канонизировать своих собственных жертв.

Бывшим советским людям нужны не антисоветские, а советские святые. «Блаженная Матрона благословляет Иосифа Сталина». На самых последних иконах мы видим «троицу» Ленин, Сталин и Путин. Это за пределами канонического сознания, но в принципе тяга к этому есть.

Другая сторона – переформатирование новомучеников под влиянием чудомании. Например, святитель Лука Войно-Ясенецкий при жизни совершил много чудес, но он не ходил по водам и не проходил сквозь стены, а такие легенды про него сейчас возникают. И его тяжелейшую лагерную, тюремную часть жизни тоже стараются не замечать, а подчеркивают, что он был патриотом, исцелял раненых и сегодня он всем помогает. Из антисоветского он превращается в советского святого.

Опыт новомучеников – это опыт Голгофы, а не Воскресения, поэтому его трудно воспринимать.

Музейная работа церкви выражается в установке памятных знаков, часовен, создании прицерковных музеев, где рассказывают о разрушении храмов. Появились целые музеи, как музей Соловецкого концлагеря. Но мы часто сталкиваемся с тем, что церковь предпочитает виртуальную, а не живую память. Так, на Секирной горе на Соловках был проведен евроремонт, в ходе которого были уничтожены граффити заключенных».

«Церковь, конечно, занята проработкой прошлого, – продолжила разговор историк, преподаватель МГУ, доцент кафедры церковно-исторических дисциплин Свято-Филаретовского православно-христианского института Ирина Карацуба. – Но она занята этим, как и многими другими процессами, в своих собственных интересах. В той церковной истории, которая создается в последние 20 лет на наших глазах, все причесано и подтянуто к тому, чтобы показать ведущую роль церкви как института в самые сложные моменты национальной истории и освятить ее авторитетом чисто государственническую концепцию, которая до сих пор содержится в официальных церковных курсах.

Но есть мейнстрим и есть андеграунд. Есть то, что идет сверху, и то, что возникает из толщи церковного народа, и мои коллеги об этом уже говорили. И, возможно, стоить начать даже не с о. Александра (Борисова), а с последнего интервью о. Александра (Меня), где он говорил об опасности русского фашизма. Он едва ли не первый об этом сказал! И здесь речь идет о совсем другой проработке истории. Тем не менее, когда мы говорим о Свято-Филаретовском институте, Преображенском содружестве малых братств – это огромные, по-своему сетевые структуры, но все-таки их удельный вес по сравнению со всеми другими братствами, сестричествами и прочими структурами не такой уж большой.

Есть еще один интересный пример – Зубовский учебник[3]. Это как раз попытка церковного сознания, не очень связанного с иерархией, дать свой ответ. И что мы видим? В учебнике дана четкая оценка Сталина, репрессий и даже Великой Отечественной войны как советско-нацистской. Но откуда все это вообще взялось в XX веке? Получается, что до 1917 г. мы купались в кисельных берегах, а после 17-го вдруг все тонут в крови. Както не очень концы с концами связываются.

Я согласна, что почти тысяча канонизированных новомучеников – это важная деятельность церкви. Но, с другой стороны, их канонизировали так, что им невозможно поклоняться. Живого, действенного поклонения этим людям нет. Специально ли это сделано или «так получилось» – большой вопрос для обсуждения. Получается, что фактом канонизации закрывается вся проблема: мы их канонизировали, чего вам еще надо?

Прогноз у меня лично неблагоприятный, и связан он с тем же, о чем сказала Светлана, – с последними речами патриарха. Церковь идет к своему коллапсу вместе с тем государством, с которым она связала свою судьбу».

Псевдожизнь

Историк Андрей Тавризов задал выступающим необъятный вопрос: «Почему церковь устранилась от борьбы со Злом на стороне Добра (в любом понимании этой стороны Добра)? Почему в сегодняшнем мире пассивность церкви намного превосходит ее активность?»

«В этом отношении церковь ничем не отличается от всего остального общества. Если все общество пассивно, чего ждать от любого из его институтов?» – ответила Светлана Солодовник.

Так же вопросом на вопрос ответила и Ирина Карацуба: «А вообще в мировой истории церковь состоялась? Евангелие – да, безусловно, состоялось. А церковь как институт? Если бы сегодня Иисус вошел в церковь, что бы Он нам всем сказал?»

Но и этот эффектный, хотя и вполне риторический, вопрос оказался не самой скептической точкой дискуссии. К микрофону подошел историк и публицист, священник Украинской автокефальной православной церкви о. Яков (Кротов).

«Я, видимо, не согласен ни с одним словом, которое здесь прозвучало, – сказал он. – Начну с последнего вопроса. Не задача церкви – бороться со Злом на стороне Добра. Это, скорее, из фильма «Дневной дозор».

Слово «церковь» в переводе с греческого означает «объединение, община», и это всего лишь особый вид коммуникации людей.

Революция была великой трагедией для России. Трагедия не в количестве убитых. В Камбодже, если смотреть в процентах, погибло больше. Трагичность революции – в разрушении Слова как основы человеческой жизни. В этом смысле всё, что сейчас перечислялось, не имеет отношения ни к истории, ни к репродукции. Это все фикции. Для сравнения возьмем историю марксизма-ленинизма 1970-х гг. Сотни институтов, тысячи профессоров и диссертаций, десятки тысяч студентов. Где это все? Это было репродукцией исторической памяти? Это была фиктивная деятельность, псевдожизнь.

Здесь не упоминался Свято-Тихоновский институт, который в смысле созидания определенного мифа о прошлом, пожалуй, даже активней, чем Свято-Филаретовский. И там с новомучениками и репрессированными все в порядке. Но все это импотенция, с точки зрения репродукции и формирования исторической памяти, потому что отсутствует само стремление к коммуникации. Это не церковь. Я не скажу, что это антицерковь, но это псевдоцерковь.

Ответ простой: церковь, как и школа, как и медиа, в современной России не выполняет своих функций – ни воспроизводства, ни формирования исторической памяти».

Николай Гладких

На снимке: Ирина Богацева, Борис Беленкин, о.Кротов, Ирина Щербакова

Фото Анны Брагиной

1. Сергианство – политика лояльности православной церкви по отношению к советской власти, впервые декларированная в 1927 г. в послании митрополита Сергия (Страгородский).
2. Десекуляризация – процесс, обратный секуляризации (переходу общества от религиозных норм жизни к светским).
3. История России. XX век / Под ред. А.Б.Зубова. В 2 т. М., 2009.

ФЕВРАЛЬСКИЕ И МАРТОВСКИЕ ХРОНИКИ

1917. 23 февраля – 2 марта

Февральская революция в Петрограде; падение монархии в России; образование первого Временного правительства. Освобождение политзаключенных из каторжных тюрем (около 1 тыс. чел.), а также сосланных в Сибирь членов Государственной думы и обеспечение им почетного возвращения в Петроград.

1922. 6 февраля

Преобразование ВЧК в Государственное политическое управление (ГПУ). Первоначально ГПУ, в отличие от ВЧК, не имело права выносить бессудные приговоры. Общая направленность реформы, разработка которой началась в конце 1921 г., состояла в устранении чрезвычайных полномочий, в укреплении законности. Это мотивировалось окончанием Гражданской войны. Глава ВЧК Дзержинский выступал за то, чтобы возможность выносить приговоры (правда, с ограничением «юрисдикции») сохранилась и после реформы и уже в октябре 1922 г. «право внесудебной расправы» было частично возвращено новому ведомству госбезопасности.

23 февраля

Издан декрет ВЦИК РСФСР об изъятии изделий из драгоценных металлов из храмов Русской православной церкви. Верующие, возмущенные конфискацией святынь, встали на их защиту. В первом полугодии 1922 г. в разных городах РСФСР произошло более 1400 столкновений, были жертвы. Власти ответили карательными мерами, состоялось более 200 судебных процессов; перед судом предстали свыше 700 человек (преимущественно священнослужители и монахи).). Фигурирующая в литературе статистика репрессий не подробна и довольно противоречива. По данным, которые приводит Православный Свято-Тихоновский богословский институт, института, за 1921—1923 гг. арестовано 10 тыс. чел., расстреляно около 2 тыс. чел.

1927. 25 февраля

Постановлением ЦИК СССР утверждено «Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо опасных против порядка управления)», на его основании в Уголовные кодексы РСФСР (в июне 1927 г.) и других союзных республик введены основные составы политических преступлений, свыше 30 лет служившие юридической базой массовых репрессий (в РСФСР — знаменитая статья 58). Точных данных по численности осужденных по этой статье нет, но, по разным оценкам, их число не менее 3,5 млн чел.

1937. 23 февраля – 3 марта

Состоялся пленум ЦК ВКП(б), посвященный усилению борьбы с «врагами народа». В частности, на пленуме исключены из партии, а затем арестованы Н.И.Бухарин и А.И.Рыков. После пленума началась разработка массовых репрессивных операций, которые в литературе получили название Большой террор (текст стенограммы см. www.memo.ru/history/1937/feb_mart_1937/index.htm).

1942. 2 февраля

В блокадном Ленинграде в психиатрическом отделении тюремной больницы умер писатель Даниил Хармс (Ювачев), арестованный по доносу за год до этого. Как утверждают исследователи, он симулировал сумасшествие, чтобы избежать расстрела. Творчество Хармса специалисты характеризуют фразой «не как все», что в те годы почти автоматически означало арест и ссылку. При жизни Хармса публиковались (за редким исключением) только его детские произведения. Реабилитирован в 1960 г

17 февраля

Начало вещания на русском языке радиостанции «Голос Америки» (Voice of America), которая во время «холодной войны» была источником альтернативной информации для советских граждан. Название «Голос Америки» быстро стало нарицательным — иностранные радиостанции, часто критиковавшие политику СССР, обобщенно называли «вражескими голосами».

Февраль-март

Производилось «добровольно-принудительное» распространение очередного государственного займа в условиях, когда значительная часть населения в России, Украине, Молдавии голодала. В 1947 г. по официальным данным смертность в СССР выросла в 1,5 раза. По оценкам исследователей, всего от голода в 1946—1947 гг. погибло от 1 до 1,5 млн чел.

1952. 7–13 февраля

Военная коллегия Верховного суда СССР рассматривала дело молодежной подпольной группы «Союз борьбы за дело революции» (молодые москвичи, школьники и студенты вели разговоры, которые были интерпретированы следствием как заговор против Сталина). Трое подсудимых (Борис Слуцкий, Владлен Фурман, Евгений Гуревич) были расстреляны, 10 человек (Сусанна Печуро, Ирэна Аргинская, Ида Винникова, Феликс Воин, Григорий Мазур, Владимир Мельников, Екатерина Панфилова, Алла Рейф, Майя Улановская, Инна Эльгиссер) — приговорены к 25 годам лишения свободы, еще трое (Тамара Рабинович, Галина Смирнова, Нина Уфлянд) — к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Все подсудимые обвинялись в подготовке покушения на Сталина.

1957. 11 февраля

Верховный Совет СССР принял закон «Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении национальной автономии балкарского, чеченского, ингушского, калмыцкого и карачаевского народов». Указы пересматривали «постдепортационное» административно-территориальное деление, стершее имена этих народов с карты Советского Союза.

1962. 9 февраля

Московский городской суд вынес приговор активистам молодежных собраний на площади Маяковского (ныне — Триумфальная) в Москве Эдуарду Кузнецову, Владимиру Осипову и самому известному оратору площади Илье Бокштейну. За «антисоветскую пропаганду» и «участие в антисоветской организации» подсудимые получили от 5 до 7 лет лишения свободы. Сразу же после открытия памятника Маяковскому в июле 1958 г. «Маяковка» стала неофициальным уличным клубом любителей поэзии. К 1960 г. собрания на пощади приобрели отчетливый характер литературно-политической фронды; декламация стихов собственного сочинения дополнялась ораторскими выступлениями оппозиционной направленности. С весны 1961 г. собравшихся разгоняли милиция и комсомольский оперативный отряд, к активистам «Маяковки» применяли внесудебные меры воздействия: «проработки» по месту учебы, отчисления из вузов, исключения из комсомола. Встречи молодежи у памятника Маяковскому в центре Москвы стали важной фазой становления открытого инакомыслия в столице. (В 1997 г. в издательстве «Мемориала» «Звенья» вышла книга Людмилы Поликовской «Мы предчувствие... предтеча... Площадь Маяковского, 1958—1965»). С 2009 г. площадь вновь стала местом неугодных властям собраний: каждое 31-е число на Триумфальной площади проводятся гражданские акции в защиту статьи 31 Конституции РФ (о свободе собраний).

1977. 3, 5, 10 февраля

Аресты членов Московской и Украинской Хельсинкских групп. За решеткой оказались лидеры обеих правозащитных ассоциаций: Юрий Орлов и Николай (Мыкола) Руденко, а также Александр Гинзбург (МХГ) – его арестом власти одновременно обезглавливали Фонд помощи политзаключенным, распорядителем которого он был, и Алексей (Олекса) Тихий (УХГ).

1987. 21 февраля

В Нью-Йорке (США) умер Петр Григорьевич Григоренко — военный и политический деятель, многолетний узник советских психиатрических тюрем, правозащитник, публицист, мемуарист, член Московской и Украинской Хельсинкских групп. Одним из первых в Советском Союзе он выступил в защиту народов, репрессированных при Сталине, многие годы помогал движению крымских татар за возвращение на родину, в Крым. В 1997 г. президент России Б.Н.Ельцин подписал указ «Об увековечении памяти Григоренко П.Г.»

По воспоминаниям помощника президента, чиновники сопротивлялись уже на стадии подготовки указа, заявляя, что Григоренко «разрушал армию». Президент Украины Л.Д.Кучма в том же году издал указ о награждении Петра Григорьевича Григоренко орденом «За мужество» первой степени (посмертно). В Киеве именем генерала назван проспект, во Львове — площадь. В 1999 г., по инициативе Меджлиса крымских татар, в центре Симферополя на Советской площади был открыт памятник генералу Григоренко. Городские власти признали несанкционированный ими монумент лишь в 2004 г., переименовав территорию вокруг него в сквер имени Григоренко.

1992. 1 февраля

Президенты России Борис Ельцин и США Джордж Буш подписали в Париже символическую декларацию о прекращении «холодной войны». Однако многие стереотипы прекращенной войны все еще не уходят в прошлое ни в России, ни в Америке.

1997. 25 февраля

В Фонтене-о-Роз под Парижем умер писатель, литературовед Андрей Донатович Синявский. С 1956 г. он публиковал свои художественные фантастические и сатирические произведения на Западе под псевдонимом Абрам Терц. В феврале 1966 г. был за это осужден вместе с Юлием Даниэлем. Им обоим вынесли приговор по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде». Синявский получил 7 лет заключения. Срок отбывал в мордовских политических лагерях. Андрей Донатович вспоминал о годах неволи так: «На моем деле... было начертано: «использовать только на физически тяжелых работах», что и было исполнено».

1922. 19 марта

Председатель СНК РСФСР В.И.Ленин направил строго секретное письмо членам политбюро ЦК РКП(б), предлагая немедленно осуществить жестокие репрессии против православного духовенства: «Мы должны именно теперь дать самое беспощадное и решительное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли его в течение нескольких десятилетий». Ряд процессов против священников и мирян, сопротивлявшихся изъятию церковных ценностей, закончился расстрелами (см. 23 февраля). В конце 1960-х гг. документ появился в Самиздате и был аннотирован в «Хронике текущих событий» (вып. 9, 1969 г.): «...Письмо сверхсекретно, и вряд ли можно найти источник, через который оно попало в Самиздат. Поэтому не следует принимать этот документ полностью на веру: хорошо было бы произвести глубокий текстологический анализ письма. Ясно, что официальная пропаганда не преминет объявить подобный документ фальшивкой. Но в Самиздате, где есть полная свобода исследования, не следует бросаться в другую крайность: если достоверность документа будет подтверждена, фигура первого предсовнаркома в сознании широкой общественности станет более рельефной». Официально письмо было опубликовано в СССР в 1990 г.

1932. 5 марта

Приказом ОГПУ СССР был организован Котласский пересыльно-перевалочный пункт ГУЛАГа – печально знаменитая Котласская пересылка, один из основных транспортных узлов Архипелага ГУЛАГ. Через нее прошли, возможно, миллионы заключенных.

1937. 10 марта

В Париже умер писатель Евгений Замятин, автор классической антитоталитарной утопии – романа «Мы», непреклонный защитник свободы слова в СССР. Подвергался цензурным и полицейским преследованиям за свое творчество и до, и после революции. В конце 1931 г. после многолетней травли в печати и цензурных запретов уехал из СССР.

1942. 10 марта

Директива НКВД СССР «О продолжительности сна заключенных ИТЛ и ИТК НКВД». Директива «категорически» приказывала, «чтобы заключенный имел время для сна не менее восьми часов». Всплеск гуманизма был, по-видимому, связан с открытием, сделанным ГУЛАГовским начальством: оказалось, что зэки, имевшие для сна в лагерной реальности 4–5 часов в сутки, «в результате отсутствия нормального отдыха теряют работоспособность, переходят в категорию слабосильных, инвалидов и т.д.» «Т.д.», по всей видимости, означало ужасающую смертность в лагерях именно в это время (зима 1941 – весна 1942 гг.). Получалось, что именно тогда, когда стране больше всего стала нужна дешевая рабочая сила, зэк превращался в доходягу-нахлебника. Вместо увеличения голодной пайки — сон...

1947. 28 марта

Совет министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах» для «борьбы с проступками, роняющими честь и достоинство советского работника». Новые суды использовались в последние годы жизни Сталина как средство внесудебной расправы и публичного поношения так называемых «антипатриотов» и «низкопоклонников» (перед Западом). Исследователи утверждают, что в 1947 г. были созданы 82 суда чести, однако не все они провели слушания. Наибольшую известность получило «дело КР» – судилище над учеными-биологами, которые разработали препарат против рака и якобы передали его американцам.

1952. 25 марта

Совет министров СССР принял распоряжение № 6435сс о выселении кулаков с семьями из Западной Белоруссии навечно. Это была последняя акция раскулачивания в СССР. Было выселено около 6 тыс. чел.

1962. 1 марта

Определением Ленинградского городского суда в Ленинградскую специальную психиатрическую больницу был заключен Михаил Александрович Нарица – художник, мемуарист, узник сталинских лагерей. В 1960 г. он передал на Запад автобиографическую повесть «Неспетая песня», главный герой которой, художник, гибнет в сталинском лагере. В том же году повесть была опубликована в эмигрантском журнале «Грани». Дело Нарицы стало первым известным на Западе случаем использования психиатрии в СССР в карательных целях.

1977. 15 марта

В Москве арестован Анатолий (Натан) Щаранский, член Московской Хельсинкской группы, активист еврейского движения за выезд на историческую родину в Израиль. Щаранский был обвинен в шпионаже и в 1978 г. приговорен к 13 годам лишения свободы. Освобождение состоялось в 1986 г. в рамках обмена на арестованных сотрудников разведки ГДР и ФРГ. Реабилитирован в 1992 г. Ныне – видпный политический деятель Израиля. Неоднократно входил в правительство.

19 марта

Василеостровский районный суд Ленинграда приговорил художников Юлия Рыбакова и Олега Волкова за «хулиганство» и «воровство» к 6 годам лишения свободы. Это была расправа за то, что они вместе с поэтессами Юлией Вознесенской и Натальей Лесниченко в 1976 г. выполняли на зданиях и памятниках Ленинграда правозащитные граффити. В надписях провозглашалось требование свободы политзаключенным, КПСС именовалась «врагом народа» и т.д., а на стене Петропавловской крепости появилось грандиозное граффити (40х1 м): «Вы душите свободу, но душа человека не знает оков». Как сообщала «Хроника текущих событий», «надпись замазали белилами и отпескоструили, оставив заметную белую полосу... город был наводнен войсками МВД, милицией, патрулями КГБ, военизированной охраной». Подсудимые на процессе не раскрывали политическую подоплеку суда, поскольку за это им было обещано освободить арестованных с ними женщин. Обещание было выполнено.

Фото из архива НИПЦ «Мемориал», Москва

Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», «Московский Мемориал»

Газета издается Информационным агентством МЕМО.РУ

Адрес: 127051 Москва, Малый Каретный пер., д. 12, редакция
Тел. приемной: (495)699-1180
Тел. редакции: (495)699-6478
E-mail: 30october@cknot.info

В подготовке номера принимали участие: Г.В.Кузовкин, Я.З.Рачинский

Главный редактор Г.С.Шведов
Выпускающий редактор Н.В.Савельичева
Литературный редактор Л.М.Алексеева
Корректор Г.В.Заславская
Верстальщик В.А.Ходина

Газета «30 октября» зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Рег. № ПИ 77–1783 от 29.02.2000. © Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Февраль – март 2012. Отпечатано в ООО «ОМНИТРЕЙДИНГ» 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 30. Тираж — 5000 экз. Распространяется бесплатно

Абакан, Саяногорск; Чеченская Респ.: Аргун, Грозный; Чита; Чувашская Респ.: Чебоксары, Новочебоксарск; Чукотский АО: Анадырь; Респ. Саха: Якутск; Ярославль. Газета поступает во все областные библиотеки Российской Федерации